ОБЗОРЪ СНОШЕНІЙ

МЕЖДУ

АНГЛІЕЮ И РОССІЕЮ

ВЪ XVI И XVII СТОЛѢТІЯХЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 16 ноября 1854.

Ценсоръ *Н. Пейкеръ.*

ОБЗОРЪ СНОШЕНІЙ

МЕЖДУ АНГЛІЕЮ И РОССІЕЮ

ВЪ XVI И XVII СТОЛѢТІЯХЪ *).

Стремленіе Англіи ограничить, а если удастся, то и подавить возрастающую торговлю Россіи было бы не вполнѣ достигнуто, если бы союзный флотъ, блокируя берега Чернаго и Балтійскаго морей, оставилъ нетронутою нашу торговлю въ Бѣломъ Морѣ. Такой неполноты дѣйствій Англійскій Парламентъ допустить не могъ: это всѣ предвидѣли, зная образъ дѣйствій британскаго правительства, и не одинъ ораторъ въ парламентѣ, развивая предъ благородными лордами мысль свою о необходимости блокады бѣломорскихъ портовъ, выражалъ мысль, что цѣль при этомъ одна: лишить

---

*) Главными печатными *для* насъ источниками послужили: 1) *Hakluyts* collection of the early voyages, travels and discoveres of the English nation. Vol. 1. London. 1809. — 2) *Карамзина* И. Г. Р. т. VIII, IX.—3) Собраніе Государствен. Грам. т. IV и V, и 4) Исторія Князя Щербатова т. VII.

нашу внѣшвюю торговлю путей для сбыта русскихъ произведеній. Мудрое правительство наше уже приняло мѣры для того, чтобы попытка эта имѣла въ Бѣломъ Морѣ такой же успѣхъ, какимъ отличается она въ Балтійскомъ, и послѣдствія, конечно, не замедлятъ показать, какъ и самая опытная въ счетоводствѣ нація можетъ обсчитаться къ своему собственному ущербу.

Если позднѣйшая исторія запишетъ современныя намъ событія въ назиданіе потомству, если характеръ Англичанъ такъ рѣзко обозначился въ теперешнюю войну, которая, несмотря на всѣ прикрытія настоящей цѣли ея веденія охраненіемъ равновѣсія Европы отъ какого-то воображаемаго нарушенія, ведется только по купеческому разсчету, то да позволено будетъ и давнопрошедшимъ вѣкамъ показать, что сношенія Англіи съ отечествомъ нашимъ начались изъ видовъ торговыхъ, и что Русскіе Цари неоднократно ставили Англіи въ упрекъ то предпочтеніе, которое она оказывала торговымъ интересамъ предъ дѣлами государственными. Тѣсно съ этимъ связано стремленіе Англичанъ завладѣть всею иностранною торговлею Россіи, выхлопотать себѣ неслыханныя привиллегіи и преимущества. Никакія при этомъ средства не считались запрещенными, но всѣ они рушились о твердость Царей нашихъ и соображенія русскихъ государственныхъ людей.

Мы думаемъ даже, что есть связь между событіями, которыя повели Англичанъ къ открытію береговъ Бѣлаго Моря, и между тою завистью силѣ Русскихъ и успѣхамъ ихъ на поприщахъ мануфактурномъ и торговомъ, которая заставила англій-

скаго леопарда соединиться съ мусульманскою луною. По географическому положенію Россіи ей суждено быть посредницею между западною Европою и Азіею, но страна эта представляла такой выгодный сбытъ для произведеній англійскихъ мануфактуръ, что вниманіе британскаго правительства давно уже было обращено на этотъ отдаленный рынокъ. Рано или поздно интересы Россіи и Англіи должны были столкнуться между собою въ Азіи, гдѣ владѣнія двухъ сильныхъ державъ со всякимъ годомъ сближаются, гдѣ Россія ведетъ цѣлыя столѣтія обширный торгъ и стоитъ твердою ногою. Не будь здѣсь Русскихъ, вся Азія такъ же подпала бы подъ покровительство, т. е. владычество Англіи, какъ подпали огромныя владѣнія великаго Могола, какъ теперь подпадаетъ Китай. Мелкая зависть давно уже не давала Англіи покоя, и первый случай найдти благовидный предлогъ для ослабленія нашего могущества признанъ законнымъ. Но можно ли скрыть то, чтò такъ явно, несмотря на слова и приводимые въ подтвержденіе ихъ предлоги?

Въ то время, когда вся Западная Европа, какъ бы не довольствуясь предѣлами, намѣченными ей самою природою, старалась выселить свою цивилизацію въ колоніи Новаго Свѣта, открытыя Испаніею и Португаліею, Англія стремилась найдти путь въ Китай и Индію, чрезъ Ледовитое Море. Негостепріимный Сѣверный Океанъ заставилъ искателей приключеній спасаться въ Россіи, которая съ своей стороны обрадовалась новымъ сношеніямъ, обѣщая себѣ отъ нихъ выгоды, ласкала пришлецовъ, отправляла пословъ и гонцовъ въ

Англію; но за то, что не хотѣли пожертвовать въ пользу Англичанъ благомъ своего народа и связями съ другими государствами, ведщими торгъ съ Россіею, наши государи были не разъ вынуждаемы прерывать сношенія съ страною неблагодарною и не знавшею никогда предѣловъ своимъ требованіямъ.

Исторія этихъ сношеній слишкомъ-назидательна для того, чтобы не припомнить ее въ настоящее время, тѣмъ болѣе, что въ архивахъ нашихъ сохранились документы, дающіе возможность прослѣдить годъ за годомъ малѣйшіе даже оттѣнки въ степени откровенности взаимной дружбы. Теперь мы доведемъ свой обзоръ только до-тѣхъ-поръ, пока Англія была лишена у насъ тѣхъ огромныхъ торговыхъ преимуществъ, которыя были ей предоставлены Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ. Мы обратимъ особенное вниманіе на поводы къ сношеніямъ и причины, руководившіе въ этомъ случаѣ обѣими сторонами и не разъ высказанные русскими и англійскими дипломатами. На второй же половинѣ XVII столѣтія мы останавливаемъ свой обзоръ какъ потому, что ближайшія къ намъ времена болѣе извѣстны, такъ и потому, что по уничтоженіи преимуществъ, англійской торговой компаніи дарованныхъ, торговля Англіи съ Россіею теряетъ свой историческій интересъ и нисходитъ на обыкновенный уровень.

Извѣстно, что въ 1533 году англійскій король Эдуардъ VI отправилъ три корабля для открытія чрезъ Ледовитый Океанъ морскаго пути въ Азію. Команда надъ этою экспедиціею была ввѣрена

Гуго Виллоби (Willoughby) и капитану *Ченслеру* (Chanceller). Но первому не суждено было довершить предпріятіе: онъ и весь его экипажъ замерзли у береговъ Лапландіи *), въ пристани Арцинѣ, гдѣ рыбаки нашли его сидящимъ за своимъ журналомъ; а Ченслеръ благополучно *доплылъ* до Бѣлаго Моря, гдѣ и присталъ въ Двинской Губѣ у монастыря Св. Николая **). Двинская лѣтопись ***), сохранившая подробное извѣстіе объ этомъ событіи, называетъ капитана *Рыцерта* (т. е. Ричарда Ченслера) посломъ отъ короля Эдуарда, потому-что Ченслеръ объявилъ воеводѣ, что привезъ съ собою грамоты къ Царю Русскому. Немедленно были отправлены въ Москву гонцы съ испрошеніемъ разрѣшенія, что̀ дѣлать и какъ поступить съ прибывшими Англичанами. Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный повелѣлъ Ченслеру пріѣхать въ Москву, гдѣ Государь принималъ его, окруженный всѣмъ великолѣпіемъ своего двора, и Ченслеръ представилъ данную ему отъ англійскаго короля грамоту *ко всѣмъ сѣвернымъ и восточнымъ государямъ* съ просьбою о покровительствѣ Англичанамъ, отправившимся въ далекое путешествіе для того, какъ сказано въ актѣ, чтобы благословенными плодами земли своей обогатить страны дальнія и взаимно обогатиться ихъ произведеніями.

По окончаніи аудіенціи Ченслеръ былъ приглашенъ къ царскому столу въ Золотой Палатѣ, былъ чествованъ, получилъ подарки и въ 1554 году отпущенъ назадъ съ отвѣтомъ Іоанна и увѣренія-

*) *Hakluyt's* I. 258.

**) Тамъ же стр. 263-270.

***) *Карамзинъ* Т. VIII. Прим. 425

ми въ дружбѣ къ Эдуарду и желанія вступить въ сношенія съ Англіею.

Но Ченслеръ не засталъ уже въ живыхъ короля Эдуарда и представилъ царскую грамоту преемницѣ его, Маріи *).

Англичане съ своей стороны обрадовались новому открытію не менѣе Русскихъ и такъ-какъ необходимо было прежде всего познакомиться съ географіею страны, бытомъ ея жителей и произведеніями, которыми она изобилуетъ и можетъ дѣлиться съ другими землями, то составилась компанія англійскихъ купцовъ какъ для пріобрѣтенія и обнародованія этихъ свѣдѣній, такъ и для торговли съ Россіею.

Обращаемъ вниманіе читателей на учрежденіе съ разрѣшенія королевы этой компаніи, первоначально съ чисто-торговою цѣлью. Она постоянно хлопотала о томъ, чтобы ей было предоставлено исключительное право торговли съ Россіею, она всѣми средствами старалась ограничить связи Россіи съ другими народами, захватить всю нашу внутреннюю и внѣшнюю торговлю, однимъ словомъ поступала у насъ точно такъ же, какъ дѣйствовала Остъиндская Компанія на другомъ концѣ земнаго шара, стремясь первоначально къ обогащенію себя, за тѣмъ къ преобладанію и наконецъ господству. Но не всегда и не вездѣ одни и тѣ же средства ведутъ къ одинаковымъ результатамъ. Русско-Англійская Компанія встрѣтила у насъ правительство твердое и слишкомъ-хорошо понимавшее выгоды своей страны для того, что-

*) *Hacluyt's* I. p. 284.

бы принесть ихъ въ жертву пришлецамъ, жаждавшимъ только богатства для себя.

Въ 1555 году была наряжена новая экспедиція въ Россію и вмѣстѣ съ Ченслеромъ посланы повѣренные отъ компаніи Грей и Коллингвортъ *) съ порученіемъ заключить торжественный договоръ съ царемъ. Въ грамотѣ, которая была отправлена по этому случаю королевою Маріею и супругомъ ея Филиппомъ, они изъявили русскому царю въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ благодарность за его расположеніе къ Англичанамъ и просили о продолженіи дружбы. Въ грамотѣ къ царю, при этомъ посланной, Англія не поскупилась даже на титулъ Императора всей Россіи (Emperor of all Rossia).

Грозный принялъ посла королевы такъ же ласково, какъ и въ первый разъ, и по отобраніи предварительныхъ отзывовъ отъ московскихъ купцовъ, положилъ, что главный пунктъ для торговли и мѣны товаровъ будетъ въ Холмогорахъ осенью и зимою, что цѣны остаются произвольными, но что всякіе обманы судятся какъ уголовное преступленіе.

Къ великой радости Англійской Компаніи, Іоаннъ Грозный далъ Англичанамъ въ 1555 г. грамоту, по которой имъ предоставлено свободно торговать во всѣхъ городахъ Россіи, безъ всякаго стѣсненія и неплатя никакой пошлины, вездѣ жить, имѣть дома, лавки, нанимать слугъ, работниковъ и брать съ нихъ присягу въ вѣрности. За всякую вину

*) Въ письмѣ Маріи къ Грозному Richard Grey и Georg Kolingworth названы «agents, factors and atturneis general and special» компаніи. *Hakluyt's* 1 p. 287—290.

отвѣтствуетъ только лице, а не общество, и государь, какъ законный судья, имѣетъ право отнять у преступника честь и жизнь, но не касается его имѣнія. Для разбора ссоръ и тяжбъ, которыя могли бы возникнуть между Англичанами, въ Россіи живущими, они могутъ избрать старѣйшину, которому, въ случаѣ нужды, для усмиренія ослушныхъ, должны помогать намѣстники. При этомъ однако не позволено имъ брать Англичанина подъ стражу, если старѣйшина объявитъ себя порукою за него. Съ своей стороны русское правительство обѣщало немедленно удовлетворять жалобы Англичанъ на Русскихъ и строго казнить виновныхъ *).

Воспользовавшись этою торговою привилегіею, Ченслеръ отплылъ изъ Россіи въ 1556 году съ четырьмя богато-нагруженными кораблями и государевымъ посланникомъ Іосифомъ Непѣею Вологжаниномъ, которому сопутствовали два русскихъ купца Фофанъ Макаровъ и Михайло Григорьевъ. Ченслеръ утонулъ дорогою, а русское посольство прибыло благополучно въ Англію, гдѣ было принято и честимо самымъ лестнымъ для Россіи образомъ. Русскому послу были показаны всѣ рѣдкости Лондона: церковь св. Павла, Вестминстеръ, дворцы, крѣпость, ратуша и т. д.; въ торжественный день ордена Подвязки, Непѣй сидѣлъ въ церкви на возвышенномъ мѣстѣ, близъ королевы. Богатые дары были наградою за радостную вѣсть, привезенную Англіи, и въ отвѣтъ была послана Царю королевою Маріею и супругомъ ея Филиппомъ грамота отъ 28 апрѣля 1557 года въ двухъ

*) *Hakluyt's* p. 295.

экземплярахъ одного содержанія: на англійскомъ и итальянскомъ языкахъ.*)

«Филиппъ и Марія, король и королева Англіи, Испаніи, Франціи.... Высочайшему и могущественнѣйшему Государю Василію (?), Божіею милостью Императору всея Россіи.... посылаютъ поклонъ и дружественнѣйшія привѣтствія» (титулъ Русскаго Царя полный). Послѣ самыхъ искреннихъ повидимому увѣреній въ дружбѣ и изъявленія благодарности Царю за дарованіе Англичанамъ огромныхъ торговыхъ льготъ и преимуществъ, королева даруетъ Русскимъ и другимъ подданнымъ, которые будутъ пріѣзжать въ Англію по волѣ русскаго Царя и торговать въ ней, право жить въ англійскихъ владѣніяхъ, отправлять дѣла и торговлю и пріѣзжать по своему усмотрѣнію, и привозимыя ими произведенія они могутъ продавать всюду безъ всякихъ препятствій и противорѣчій, гуртомъ и въ розницу по своей волѣ, а во время пребыванія ихъ на англійской почвѣ, какъ сами Русскіе, такъ и имущества ихъ находятся подъ особеннымъ покровительствомъ и защитою британскаго правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ Русскіе освобождаются отъ взноса податей и пошлинъ, какъ и подданные другихъ христіанскихъ государей; имъ будутъ назначены въ Лондонѣ и другихъ торговыхъ городахъ Англіи домы для складки товаровъ и иныхъ произведеній. Въ случаѣ если корабль потерпитъ крушеніе у береговъ Англіи, чрезъ что товаръ будетъ подмоченъ и поврежденъ, онъ долженъ быть спасаемъ и сохраняемъ въ цѣлости въ пользу хозяевъ или лицъ, для пріема то-

*) Тамъ же стр. 318.

варовъ уполномоченныхъ. Для бо́льшаго спокойствія и лучшей защиты, русскіе купцы и подданные во всѣхъ спорныхъ и сомнительныхъ дѣлахъ будутъ судиться верховнымъ канцлеромъ Англіи и при томъ со всевозможною милостью и скоростью. Наконецъ дано разрѣшеніе англійскимъ художникамъ и ремесленникамъ посѣщать Россію и жить въ ней.

Эта грамота, сохранившаяся до настоящаго времени, мало извѣстна и замѣчательна тѣмъ, что послужила основаніемъ для постоянныхъ и прочныхъ сношеній между Англіею и Россіею. Богатыми дарами хотѣли скрѣпить возникавшій союзъ, обѣщавшій такъ много выгодъ цѣлой странѣ, и потому къ Царю были присланы, какъ отмѣчено на самой грамотѣ: два лютые звѣря (львы), да доспѣхъ, да поставъ скарлатовъ, да другой фряжскаго сукна, да два поставца атласу съ золотомъ; а общество купцовъ, въ Англіи учредившееся для торговли съ Россіею, увѣряло Непѣю въ безпредѣльной и нѣжной дружбѣ къ Русскимъ и поднесло ему въ даръ золотую цѣпь во сто фунтовъ стерлинговъ и пять драгоцѣнныхъ сосудовъ.

Не могла Россія не платить тѣмъ же Англіи, ни сколько не подозрѣвая, что всѣми выгодами этихъ новыхъ сношеній воспользуются одни Англичане, такъ какъ Русскимъ не доставало еще средствъ для морской торговли, а судоходство Англичанъ было уже въ цвѣтущемъ состояніи. Поэтому, хотя по приведенной грамотѣ и Русскимъ въ Англіи отводились мѣста для торговли, но въ дѣйствительности привилегія служила однимъ только англійскимъ купцамъ. Во всѣхъ торговыхъ го-

родахъ Россіи, между-прочимъ въ Вологдѣ и Москвѣ, были имъ отведены дома, и въ томъ же 1557 году прибывшій въ Россію агентъ компаніи Антоній Дженкинсонъ *) ѣздилъ въ Астрахань для того, чтобы завести торговлю съ Персіею. Такимъ-образомъ англійская компанія добилась своей любимой цѣли, для которой искала дружбы Россіи и на достиженіи которой она постоянно настаивала во всѣхъ инструкціяхъ, посылаемыхъ къ ея повѣреннымъ и инымъ агентамъ **). Но въ то же время и другіе народы, особенно Голландцы, ведшіе прежде торгъ съ Россіею чрезъ Балтійское Море, лишившись этого пути по причинѣ войнъ Грознаго съ Швеціею и Ливоніею, воспользовались пристанями Бѣлаго Моря. Обстоятельство это грозило подрывомъ той торговой монополіи, которую всюду старалась упрочить за собою Англія, и потому русскому правительству представлялся къ разрѣшенію вопросъ, очень-важный по своимъ послѣдствіямъ — можно ли было отдать всю внѣшнюю торговлю нашу въ распоряженіе Англичанъ или нѣтъ? Царь и думные люди разрѣшили эту государственную задачу сообразно нуждамъ и потребностямъ Россіи, съ одной стороны поддерживая добрыя отношенія къ Англіи, торговля съ которою обѣщала выгодный сбытъ русскимъ произведеніямъ, а съ другой не закрывая нашихъ портовъ для кораблей другихъ странъ и народовъ.

Еще тѣснѣе стали отношенія Англіи къ Россіи съ восшествіемъ на англійскій престолъ королевы

*) *Hakluyt's* I p. 346. 351.

**) *Hakluyt's* I p. 290 sq.

Елисаветы. Въ 1561 году право на исключительную торговлю съ Россіею дано Дженкинсону, уже бывшему до того въ Москвѣ и главныхъ городахъ царства, и умѣвшему понравиться Іоанну Грозному. Въ грамотѣ, Дженкинсону по этому случаю данной и написанной чрезвычайно-ласково, съ увѣреніями въ вѣчной дружбѣ, королева просила Грознаго оказывать Дженкинсону, его домашнимъ и слугамъ покровительство, дозволить ему пріѣзжать, уѣзжать, торговать, и наконецъ «особенно поручить въ милость великому Софи, императору персидскому», въ области котораго агентъ англійской компаніи намѣревался ѣхать для заведенія торговли.

Вслѣдствіе того, съ разрѣшенія Царя, Дженкинсонъ съ людьми своими вновь проѣхалъ чрезъ Россію въ Персію, *) и такъ какъ онъ при этомъ исполнилъ важное порученіе, данное ему Грознымъ къ персидскому шаху, то новыя преимущества были дарованы англійской компаніи, а именно: дозволено уполномоченнымъ ея ѣздить чрезъ Россію въ Персію, завесть селеніе на рѣкѣ Вычегдѣ, искать желѣзной руды и плавить ее съ условіемъ однако выучить Русскихъ этому искусству, и при вывозѣ желѣза въ Англію платить по деньгѣ съ фунта. Англичане должны были всѣ драгоцѣнныя вещи, въ Россію привозимыя, предъявлять государеву казначею, продавать царскіе товары въ Англіи и Персіи, впрочемъ могли вездѣ купечествовать свободно, безъ пошлинъ, вездѣ строить жилища, лавки и чеканить для себя талеры. Но выше всѣхъ этихъ преимуществъ бы-

*) *Hakluyt's* I. p. 362, 384.

ла привилегія судиться судомъ Опричины, т.-е. подъ надзоромъ самого Царя. Въ вѣдомствѣ Опричины же состоялъ московскій дворъ Англичанъ, у церкви Св. Максима находившійся.

Для большаго укрѣпленія союза съ Россіею, королева въ 1568 году отправила въ Москву посла Томаса Рандольфа. Царь былъ разгнѣванъ поступками Англичанъ, которые, пользуясь дарованною имъ монополіею, чрезмѣрно возвышали цѣны на свои товары; но мысль объ опасности, которая будто бы грозила Царю въ Россіи отъ тайныхъ его враговъ, подозрѣніе, возбужденное въ немъ Опричиною, и возникшее вслѣдствіе того желаніе бѣжать въ Англію въ-случаѣ опасности заставили Грознаго принять, милостиво выслушать англійскаго посланника и отправить къ Елисаветѣ своего посла, дворянина Андрея Савина. Королева отвѣчала, что желаетъ Царю мирно и долго царствовать, обѣщала ему въ-случаѣ нужды убѣжище, свободу вѣроисповѣданія и утвердила свое обѣщаніе *словомъ христіанскаго вѣнценосца* и грамотою, въ-присутствіи государственныхъ сановниковъ подписанною. Но Савинъ, хотя и обласканный Англичанами, не очень выгодно отзывался о дружбѣ Англіи къ Россіи и доказывалъ Царю, что королева помышляетъ единственно о пользахъ своего купечества. Мнѣніе это очевидно раздѣлялъ самъ Царь, тѣмъ не менѣе мнимая опасность, которая будто грозила ему въ Москвѣ, заставляла его дорожить союзницею; но онъ не увеличивалъ объема дарованныхъ компаніи преимуществъ, несмотря на всѣ ходатайства Англичанъ: такъ въ 1572 году снова прибылъ въ Россію

Дженкинсонъ, прося: 1) о свободномъ отпускѣ изъ Москвы англійскихъ художниковъ и ремесленниковъ, 2) платежа за товары, взятые у Англичанъ въ долгъ, нѣкоторыми опальными и казненными дворянами русскими, и 3) за все, что сгорѣло у англійскихъ купцовъ во-время пожара московскаго. Царь отвѣтствовалъ, что иноземцы вольны жить или не жить у насъ, что онъ велитъ справиться о долгахъ, Русскими сдѣланныхъ, съ тѣмъ только, чтобы впредь ему о нихъ не докучали, и что Царь Московскій не можетъ отвѣтствовать за огонь и гнѣвъ Божій, обратившій Москву въ пепелъ При отпускѣ Дженкинсона, Царь замѣтилъ ему, отъ чего королева, занимаясь единственно выгодами англійской торговли, не оказала живаго участія въ обстоятельствахъ рѣшительныхъ для судьбы его. «Знаю, продолжалъ Грозный, что торговля важна для государства, но собственныя дѣла царскія еще важнѣе купеческихъ». Посланникъ въ оправданіе королевы приводилъ тѣ услуги, которыми Россія уже обязана англійскимъ купцамъ и которыхъ она и впредь въ правѣ ждать отъ нихъ и вся вина пала на переводчиковъ, которые не умѣли будто правильно истолковать словъ королевы, одушевленныхъ любовью къ Царю.

Этотъ упрекъ о преимуществѣ, торговымъ выгодамъ компаніи оказываемомъ, не разъ приходилось выслушивать англійскимъ посламъ, такъ что статейный списокъ Флетчера *) сочли необходимымъ начать слѣдующимъ постановленіемъ о томъ, что говорить послу при дворѣ московскомъ.

*) Временникъ Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. Т. VIII, стр.8.

«Хотя союзъ и дружба между двумя державами существуетъ не для *гостинной торговли*, а по желанію государей и по приверженности ихъ другъ къ другу, но если торговля прекратится, то это послужитъ къ ущербу дружбы, потому-что тогда нельзя будетъ такъ часто ссылаться между собою государямъ».

Посолъ за посломъ былъ отправляемъ Англіею ко двору Іоанна Грознаго, а предполагаемый бракъ Царя съ англійскою принцессою долженъ былъ скрѣпить ту дружбу, которую питалъ Царь къ королевѣ Елисаветѣ, тѣмъ болѣе, что ни одинъ англійскій купецъ не пропускалъ случая восхвалять ея силу, могущество и мудрость. Въ эту эпоху торговыя права, Англичанамъ въ Россіи предоставленныя, были такъ велики, что королева въ отправленномъ къ Царю въ 1581 году письмѣ, жалуясь на Датчанъ за изъявленныя ими притязанія на Кегору и Печенгу, свидѣтельствуетъ, что компаніи англійской въ торговлѣ ея у насъ никто не мѣшаетъ не только въ Москвѣ, но и на Двинѣ и Волгѣ, равно какъ въ Ливоніи и въ другихъ мѣстахъ, для торговли пригодныхъ. Освобожденіе отъ пошлинъ, дарованное англійской компаніи русскимъ правительствомъ и непризнаваемое датскимъ королемъ, въ двухъ означенныхъ городахъ чуть не довело насъ, по жалобѣ Елисаветы, до войны съ Фридрихомъ III, королемъ датскимъ; но сдѣланная послѣднимъ уступка прекратила споръ въ самомъ началѣ.

Извѣстное сватовство Грознаго на Маріи Гастингсъ, которую такъ удачно умѣлъ расхвалить Царю присланный изъ Англіи лейб-медикъ Ро-

бертъ Якоби, было причиною посылки въ Англію въ 1582 году дворянина Писемскаго, которому велѣно было стараться о заключеніи съ Англіею тѣснаго государственнаго союза.

Царскій посолъ былъ принятъ въ Лондонѣ съ тѣмъ уваженіемъ, которое принадлежитъ послу русскаго Царя. Писемскому все показывали, посла старались всѣмъ занять и только послѣ долгихъ жалобъ его на медленность, приступили къ переговорамъ о союзѣ. Въ архивѣ сохранился проектъ ноты, составленной англійскими сановниками по этому случаю, и такъ какъ документъ этотъ у насъ почти совсѣмъ неизвѣстенъ, а между-тѣмъ наглядно выражаетъ характеръ дипломатическихъ сношеній нашихъ съ Англіею того времени, и подалъ поводъ къ долговременнымъ толкамъ при московскомъ дворѣ, то мы позволимъ себѣ подробно изложить этотъ замѣчательный памятникъ. Тонъ его начала, что королева англійская уступаетъ *прошенію* русскаго Царя, ея брата и *племянника*, показался такъ обиднымъ для Писемскаго, что онъ настоялъ на измѣненіи этихъ словъ, и фразѣ данъ другой оборотъ, соотвѣтственно достоинству русскаго Царя. Іоаннъ Грозный желалъ, какъ сказано въ этомъ документѣ, чтобы кто будетъ другомъ Англіи, былъ другомъ и Россіи, и чтобы въ случаѣ войны съ кѣмъ бы то ни было, обѣ державы взаимно помогали другъ другу людьми, деньгами, оружіемъ и иными способами, къ войнѣ примѣнимыми; далѣе, чтобы королева отпускала въ Россію ратныхъ и *рукодѣльныхъ* людей, а послы и купцы могли пріѣзжать изъ одного договаривающагося государства въ

другое *безъ зацѣпокъ*, товаровъ же у купцовъ не отнимать. На это предложеніе согласились королева и ея совѣтники съ тѣмъ, что если какая-нибудь держава станетъ въ недружбѣ съ русскимъ Царемъ и королевѣ то будетъ извѣстно, она къ врагу Россіи отправитъ пословъ съ увѣщаніемъ прекратить вражду, а если онъ не послушается, то королева обязуется вести войну заодно съ Россіею. То же обѣщалъ съ своей стороны и Царь; относительно торговли подданныхъ обѣихъ сторонъ было условлено, что какіе товары понадобятся тому или другому государю, платить за нихъ деньги по настоящей цѣнѣ. Русскимъ въ Англіи и Англичанамъ въ Россіи предоставлялось право жить *по земскому суду, какъ въ которой землѣ обычай ведется.* Торговать должно своими только товарами и запрещено брать у иноземцевъ чужіе товары и выдавать за свои. Нарушившій это условіе лишается товаровъ, которые берутся въ пользу государя, во владѣнія котораго они привезены. При этомъ королева била челомъ государю и просила его, чтобы онъ позволилъ приходить въ Россію и торговать въ ней однимъ только Англичанамъ, а чтобы изъ другихъ земель пропускали къ холмогорской пристани, къ устьямъ Двины, Оби, Варзуги, Печоры, Колы, Мезени, Печенги, равнокакъ къ Соловкамъ, и «къ другимъ мѣстамъ по Задвинѣ къ Сиверской сторонѣ и по сторонѣ Варгава» только тѣхъ, кто имѣетъ на такой пріѣздъ разрѣшеніе отъ англійской королевы («у которыхъ будутъ королевины освобожденныя грамоты.»)

Писемскій доказывалъ, что и безъ того англійскіе купцы пользуются у насъ такими преимуще-

ствами, какія не предоставлены другимъ народамъ, что англійскіе купцы чрезъ эту монополію неслыханно обогатились, и что если Царь велѣлъ взять съ англійскихъ купцовъ пошлину, то она только *половинная, очень-легкая* и *вынуждена* оскудѣніемъ государевой казны вслѣдствіе продолжительныхъ войнъ Россіи съ Литвою, ханомъ и другими непріятелями.

Царскому послу была показана Марія Гастингсъ; а для окончательныхъ переговоровъ былъ отправленъ въ Москву англійскій посланникъ Іеронимъ *Баусъ* (Sir Jerome Bowes) *), пріѣхавшій въ Россію въ 1583 году. Лично Царь былъ доволенъ дружбою съ Елисаветою, равно-какъ лестными отзывами ея о желаніи породниться съ Царемъ, но обсужденіе условій, предлагаемыхъ королевою для союза съ Россіею, было возложено на бояръ Никиту Романовича Юрьева, Богдана Яковлевича Бѣльскаго и на дьяка Андрея Щелкалова. Послѣдній былъ извѣданъ на дипломатическомъ поприщѣ, какъ *печатникъ* русскаго Царя, и потому едва *ли ошибался* Баусъ, когда всѣ неудачи Англичанъ при московскомъ дворѣ приписывалъ голосу Щелкалова; но мы не имѣемъ причины подозрѣвать его въ подкупѣ голландскими купцами, какъ то утверждалъ посланникъ королевы. Исторія записала, къ-счастію, благородный отвѣтъ нашихъ бояръ агенту корыстолюбивой компаніи. Англичане основывали притязанія свои на исключительную торговлю въ Россіи на томъ, что прежде торговали они одни съ Россіею и что они тѣмъ пріобрѣли право на монополію безъ соперничества другихъ

*) *Hakluyt's.* I. 438.

народовъ. На это бояре имъ отвѣчали, что до войны Россіи съ Швеціею у насъ была въ Балтійскомъ Морѣ пристань, чрезъ которую мы и торговали съ купцами нѣмецкими, французскими и голандскими, а такъ-какъ для внѣшней торговли осталось у Россіи одно Бѣлое Море, то сюда же обратились купцы и другихъ странъ и что посему въ угоду Елисаветѣ нельзя выгнать изъ бѣломорскихъ пристаней всѣхъ купцовъ, кромѣ англійскихъ. Польза народная, прибавили наши дипломаты, есть святѣйшій законъ для государствъ, и такъ-какъ Россія находилась искони въ свободной торговлѣ со всѣми европейскими государствами, то она и не можетъ дать на себя кабалы Англичанамъ, гостямъ, а не властителямъ Россіи. Предложеніе это со стороны Англіи было тѣмъ оскорбительнѣе для русскаго двора, что купцы англійскіе не стыдились обманывать Русскихъ и привозить къ намъ гнилыя сукна, что нѣкоторые изъ нихъ сносились съ непріятелями Царя, королями шведскимъ и датскимъ, усердствовали имъ, помогали даже врагамъ Москвы и, льстя Царю, въ то же время писали въ Англію худое о нашемъ государствѣ, именуя Русскихъ невѣжами. Если, прибавили бояре, Царь все это терпитъ, то дѣлаетъ это лишь для королевы, съ которой хочетъ быть въ дружбѣ и согласіи, но что тѣмъ не менѣе она не должна думать, что можетъ указывать вѣнценосцу, съ которымъ почтительно сносятся императоры, и султаны, и короли.

Раздражительный Баусъ твердилъ, что нѣтъ вѣнценосца выше и мудрѣе Елисаветы и что онъ не можетъ отступить ни шагу отъ даннаго ему

наказа. Поэтому всѣ переговоры съ нимъ кончились ничѣмъ, а за его неуступчивость и неловкость отвѣтовъ Царь назвалъ его посломъ неученымъ и безтолковымъ. Впрочемъ Царь уже сбирался отправить новое посольство въ Англію и формально просить руки плѣнившей его (заочно) Англичанки, когда смерть застигла его самого. «Съ кончиною Іоанна», пишетъ Баусъ, «обстоятельства измѣнились и предали меня въ руки главнымъ врагамъ Англіи: боярину Юрьеву и дьяку Андрею Щелкалову; меня не выпускали изъ дому, и Щелкаловъ велѣлъ мнѣ сказать въ насмѣшку, что царь англійскій умеръ». Затѣмъ въ началѣ мая 1584 года объявили Баусу, что онъ можетъ выѣхать, представили его Царю, отпустили съ честью, дарами и дружественною грамотою къ Елисаветѣ. Баусъ выѣхалъ изъ Москвы 30 мая, наканунѣ коронованія Царя Θеодора Іоанновича, и въ безразсудной досадѣ не хотѣлъ взять ни грамотъ, ни даровъ царскихъ, а оставилъ ихъ въ Холмогорахъ. Удивленный такою дерзостью, Царь Θеодоръ послалъ жаловаться на него Елисаветѣ, которая отвѣчала съ сожалѣніемъ, что посолъ ея, человѣкъ испытанный въ дѣлахъ государственныхъ, поведеніемъ своимъ возбудилъ негодованіе русскаго двора, но что это можетъ быть объяснено только досадами, сдѣланными ему однимъ изъ царскихъ думныхъ совѣтниковъ (очевидно, намекъ на Щелкалова).

Со смертью Іоанна Грознаго, жаловавшаго Англичанъ *паче мѣры*, расположеніе къ нимъ московскаго двора измѣнилось; но прежде, чѣмъ перейдемъ къ изложенію сношеній Россіи съ Англіею

въ правленія царей Өеодора Іоанновича и Бориса Өеодоровича Годунова, мы считаемъ необходимымъ привесть мнѣніе Англичанина *Самуила Колленса,* проведшаго девять лѣтъ въ Россіи въ качествѣ врача при дворѣ Царя Алексѣя Михаиловича. Хотя онъ жилъ гораздо-позднѣе описываемой эпохи, но любопытны тѣ оправданія, которыя онъ приводитъ въ защиту Англичанъ противъ обвиненій, очевидно неизмѣнявшихся со времени Щелкалова. Нечего прибавлять, что по словамъ Англичанина, его соотечественники, купцы, ни въ чемъ не виноваты, и вся вина падаетъ на самихъ Русскихъ и на торговавшихъ въ Россіи Голландцевъ.

«Англійское сукно, говоритъ Коллинсъ, совершенно упало въ цѣнѣ, потому-что оно дороже голландскаго; а голландское сукно хотя непрочно и въ мочкѣ ссѣдается на шестую долю, но нравится Русскимъ, которые говорятъ, что ссѣдается только новое сукно. Напрасно мы не возимъ имъ такого же. Къ тому же мы все торгуемъ однимъ сукномъ, а Голландцы привозятъ шелки и разнаго рода мелочные товары, расходящіеся больше, нежели сукно, которое теперь выходитъ изъ употребленія. Sed si populus vult decipi decipiatur! Если народъ хочетъ обольщатся, пусть обольщается!»

«Если распространится въ Россіи персидская и индѣйская торговля шелкомъ, то можно опасаться, что Царь не захочетъ возвратить Англичанамъ права свободной торговли въ своемъ государствѣ, а имъ также трудно будетъ получить свои льготы, какъ фараонову народу было тащить свои повозки чрезъ Черное Море, когда у нихъ оси отпали».

«Голландцы какъ саранча напали на Москву и

отбиваютъ у Англичанъ хлѣбъ. Они гораздо-многочисленнѣе, богаче Англичанъ и ничего не щадятъ для достиженія своихъ видовъ; между тѣмъ, какъ Англичане, ожидая возвращенія своихъ древнихъ льготъ, довольствуются словами Іудеевъ: «нашъ отецъ Авраамъ»; мы, Англичане, требуемъ удовлетворенія или будемъ жаловаться. Но Русскіе держатся мнѣнія Соломонова, и говорятъ, что деньги за все отвѣчаютъ».

«Если мы хотимъ превзойдти Голландцевъ въ торговлѣ, то вести торгъ должны не тѣ купцы которые берутъ товары у другихъ и на время какъ было въ послѣднія двадцать лѣтъ. Теперь Голландцы налетаютъ какъ саранча и всюду бросаются, куда манятъ ихъ выгоды. Въ Россіи принимаютъ ихъ лучше, нежели Англичанъ, потому что они подносятъ подарки боярамъ и такимъ образомъ пріобрѣтаютъ ихъ покровительство».

«Голландцы стараются также унизить и осмѣять Англичанъ, рисуютъ каррикатуры, сочиняютъ пасквили и тѣмъ даютъ Русскимъ невыгодное о насъ мнѣніе. Они изображаютъ насъ въ видѣ безхвостаго льва съ тремя опрокинутыми коронами, и множества большихъ собакъ съ обрѣзанными ушами и хвостами. Такихъ неприличныхъ картинъ очень-много и кистью они владѣютъ искуснѣе, нежели перомъ. Они производятъ большое дѣйствіе въ народѣ варварскомъ, особенно когда нѣкому противорѣчить».

«Очень бы хорошо было, говоритъ Коллинсъ, если бы какой умный человѣкъ сдѣлалъ въ Москвѣ самое выгодное описаніе государствъ, принадлежащихъ королю британскому, его могуще-

ства, западно-индійскихъ колоній со всѣми ихъ доходами и приложивъ карту всѣхъ этихъ земель, поднесъ бы это сочиненіе Афонасію Нащокину, чтобы опровергнуть клеветы Голландцевъ и дать ему истинное понятіе о могуществѣ британскаго короля. Не должно также пренебрегать и Богданомъ Матвѣевичемъ: онъ охотникъ до рѣдкостей и ему не худо было бы поднести въ подарокъ рѣдкостей. Нащокинъ занимаетъ первое мѣсто въ дѣлахъ государственныхъ, а Богданъ можетъ выиграть личную любовь Царя къ королю британскому» *).

Купцы все считали для себя позволеннымъ, лишь бы были побольше барыши, а въ случаѣ неудачи не стыдились находить въ Русскихъ такіе недостатки, которыми они никогда не страдали: говорили, что они лукавы, не держатъ мирныхъ договоровъ, хитры, алчны какъ волки и съ-тѣхъ-поръ, какъ начали вести торговлю съ Голландцами, еще больше усовершенствовались въ коварствѣ и обманахъ.

Вышеизложенные факты слишкомъ ясно опровергаютъ этотъ упрекъ для того, чтобы стоило входить въ ближайшее разсмотрѣніе такихъ оправданій, а не совсѣмъ честная торговля Англичанъ заставила русское правительство сперва убавить, а потомъ и отнять тѣ преимущества, которыя первоначально были дарованы англійской компаніи.

Если Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный и покровительствовалъ торговлѣ Англичанъ въ Рос-

---

*) *Коллинсъ*—нынѣшнее состояніе Россіи, въ чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1846 г. № 1. Отд. 3 стр. 38, 39.

сіи нерѣдко ко вреду торговлѣ отечественной, то это было не вслѣдствіе какой-нибудь entente cordiale, въ которой постоянно увѣряли русскій дворъ послы англійскихъ королей. Малѣйшее столкновеніе, малѣйшее подчасъ недоразумѣніе между московскимъ дворомъ и Англіею вызывало горькіе со стороны Россіи упреки въ своекорыстіи и холодности сношеній. Царская Дума высказывала свое убѣжденіе рѣзче самого Царя, желавшаго скрѣпить союзъ съ Британіею, и вотъ почему посланникъ Елисаветы полагалъ, что со смертью Іоанна должны кончиться счастливые дни, которыми Англичане наслаждались у насъ такъ долго. Щелкаловъ, соединявшій въ себѣ въ этомъ случаѣ убѣжденіе всей Думы и страны, стоялъ какъ привидѣніе, пугавшее англійскую компанію. Всѣми средствами старалась она убавить значеніе этого государственнаго человѣка, но обвиненія не находили себѣ отголоска въ мнѣніи царей и клевета не достигала цѣли. Тѣмъ не менѣе русскій дворъ, видя въ торговлѣ съ Англіею выгоду для страны, старался поддержать ее и послѣ смерти Іоанна IV.

Поступокъ Бауса при отъѣздѣ его изъ Россіи, какъ ни былъ страненъ и оскорбителенъ, не прекратилъ однако дальнѣйшихъ сношеній между лондонскимъ и московскимъ дворами, хотя поселилъ сначала какую-то холодность и неизбѣжно связанную съ нею недовѣрчивость. Скоро однако увѣрилась англійская королева, что вся вина не на сторонѣ нашихъ дипломатовъ, и что въ безуспѣшности переговоровъ ей должно обвинять только своего несговорчиваго посла. Въ грамотѣ своей,

отправленной въ маѣ 1584 года къ Елисаветѣ съ гонцомъ Бекманомъ, царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, извѣщая королеву о томъ, что родитель его скончался и что онъ царь Ѳеодоръ, взошедъ на престолъ, отпустилъ посла англійскаго, пишетъ, что хочетъ быть съ королевою въ такой же любви и въ таковъ же братствѣ, въ какомъ былъ родитель его, и обѣщаетъ сохраненіе для англійской компаніи жалованной грамоты, дарованной ей въ послѣднее царствованіе. Въ замѣнъ того русскій царь просилъ Елисавету, чтобы купцамъ нашимъ было позволено по прежнему ѣздить съ товарами въ англійскія земли и торговать въ нихъ *повольно*, равно какъ чрезъ Англію провозить товары въ другія государства *безъ задержанія*, съ тѣмъ притомъ, чтобы англійское правительство давало свободный пропускъ иностраннымъ купцамъ, которые чрезъ Англію повезутъ въ Россію свои товары и воинскіе доспѣхи—мѣдь, олово, сѣру, нефть, свинецъ, ямчугу и всякое оружіе, для ратнаго дѣла годное. Къ этому присоединена обычная просьба московскаго двора о безпрепятственномъ пропускѣ въ Россію *мастеровъ ратныхъ и рукодѣльныхъ каменнаго дѣла и городовыхъ мастеровъ, которые городы дѣлаютъ и пушечныхъ литцовъ и колокольниковъ.*

Что обѣщаніе, данное царемъ Ѳеодоромъ сохранить англійской компаніи прежде дарованныя ей права, было искренне, доказываетъ грамота, данная въ томъ же 1584 году англійскимъ купцамъ Серроуланду Говарду *съ товарищи.* На основаніи *ея*, компаніи этой позволено въѣзжать со всякими товарами въ Двинскую Землю и изъ нея провозить ихъ въ Москву и во всѣ города Московскаго Госу-

дарства, не исключая Казани, Астрахани, Новгорода и Пскова, съ тѣмъ однако, что для проѣзда въ Казань и Астрахань необходимо испрашивать всякій разъ царскаго разрѣшенія. Отъ купцовъ же требовалось, чтобы они не привозили въ Россію и не продавали чужихъ, не англійскихъ товаровъ, равно какъ, чтобы не поручали этой торговли Русскимъ, не держали за собою *закладней*, за долги не обращали Русскихъ въ кабалу, и не посылали по городамъ своихъ *закупней*, скупщиковъ, а торговали сами, куда пріѣдутъ, своимъ товаромъ. По пріѣздѣ въ городъ для торга, они должны были явить товары воеводѣ или приказнымъ людямъ и внести установленную таможенную пошлину въ половину противъ назначеннаго по уставной грамотѣ для прочихъ иностранныхъ купцовъ, а другую половину не велѣно взыскивать ни въ какомъ случаѣ. Если же купцы гдѣ остановятся не для торга, а только проѣздомъ, то они не подвергаются никакому взысканію пошлинъ. Впрочемъ оптовая только торговля съ Русскими была позволена Англичанамъ, и вѣроятно, во избѣжаніе подлоговъ и обмановъ было запрещено участвовать въ этой торговлѣ Русскимъ, отъ имени которыхъ могъ бы производиться мелочной торгъ и самими Англичанами въ ущербъ русскимъ купцамъ. Это ограниченіе чрезвычайно-важно, показываетъ, какъ наши *думные люди* давно уже понимали необходимость покровительствовать русскимъ промысламъ, и потому нарушеніе этого условія со стороны Англичанъ послужило однимъ изъ главныхъ противъ нихъ обвиненіемъ и поводомъ къ ограниченію дарованныхъ имъ преимуществъ. Англичане должны

торговать съ русскими гостями и купцами *мѣстнымъ дѣломъ, а не нарозно,* т. е. оптомъ продавать свои товары на мѣстѣ, а не въ розницу, не въ развѣсъ и не на аршинъ; сукна могли они продавать только кипами и поставами, шелковые товары, *камки* и бархаты также поставцами, т. е. партіями, всякій товаръ, который продается на вѣсъ, *товаръ вѣсчій* не имѣли они права продавать по золотникамъ, точно такъ, какъ заморскія вина (вино фряжское, т. е. французское) иначе, какъ только бочками (куфами), а никакъ не ведрами, стопами или чарками. Высшій надзоръ за дѣйствіями Англичанъ въ Россіи принадлежалъ посольскому приказу, изъ котораго и выдавались англійскимъ купцамъ проѣзжія грамоты, а по торговымъ дѣламъ, если изъ нихъ возникали какія-нибудь притязанія Русскихъ къ Англичанамъ, судомъ завѣдывалъ государевъ казначей и посольскій дьякъ. Далѣе въ случаѣ, если бы англійскіе корабли на пути своемъ въ Россію потерпѣли кораблекрушеніе, русское правительство обѣщало спасать товары, и спасенные отдавать Англичанамъ, которые въ то время будутъ въ Россіи, если же тогда не случится Англичанъ, товары будутъ сохраняемы до ихъ пріѣзда. Для пристанища и склада товаровъ компаніи англійскихъ купцовъ, были пожалованы ей въ Москвѣ юшковскій дворъ у церкви Св. Максима *за торгомъ,* равно какъ дворы въ Ярославлѣ, Вологдѣ и Холмогорахъ, и земли эти, равно какъ домы, на нихъ построенные, освобождены отъ всякихъ сборовъ, которые были обязаны нести посадскіе вообще. На этихъ дворахъ купцамъ позволено держать дворника русскаго или иностранца, *своего Нѣмчина,* и

продавать англійскіе товары, но право торговли ни въ какомъ случаѣ не могло быть предоставляемо дворникамъ, отправляться же въ чужія страны, по приказанію Англичанъ, могутъ они не иначе, какъ по проѣзжимъ грамотамъ, изъ Посольскаго Приказа выдаваемымъ.

Грамоту эту, по образцу которой давались и другія англійскимъ купцамъ въ концѣ XVI столѣтія, мы привели въ подробномъ извлеченіи для того, чтобъ показать, какъ прямодушно и откровенно поступалъ московскій дворъ. Можно ли то же сказать о дѣйствіяхъ въ-отношеніи къ намъ британскаго кабинета?

Посланный царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ къ Елисаветѣ гонецъ Бекманъ долго жилъ въ Лондонѣ, невидавъ королевы, наконецъ былъ принятъ въ саду, гдѣ и подалъ письмо царя. Русскій гонецъ старался увѣрить ее, что всѣ наговоры Бауса и его клевретовъ, будто новый царь не такъ добръ и ласковъ къ Англичанамъ, какъ его покойный отецъ, ложны, и что напротивъ нашъ царь хочетъ быть въ дружбѣ съ Англіею. Королева старалась оправдать поступокъ Бауса и повидимому заботилась о томъ только, чтобъ сохранить для своихъ подданныхъ дарованныя имъ прежде права и испросить имъ новыя льготы. Когда же рѣчь зашла о томъ, чтобъ и русскіе купцы имѣли право привозить русскія издѣлія и произведенія въ Англію (что, мы видѣли, было предоставлено нашимъ купцамъ въ первыхъ грамотахъ, королевою Елисаветою данныхъ), она отвѣчала, что торговли свободной въ Англіи для русскихъ купцовъ никогда не существовало и она несовмѣстна съ

пользою Англичанъ; но что тѣмъ не менѣе королева, желая сохранить дружбу съ царемъ русскимъ, соглашается и на эту уступку, если только будетъ дана, по обѣщанію іоаннову, новая жалованная грамота учрежденному правительствомъ обществу лондонскихъ купцовъ для исключительной торговли его съ Россіею, съ тѣмъ, чтобъ въ выгодахъ этой торговли не участвовали другіе Англичане.

Кромѣ холодности отвѣта, въ которомъ не хотѣли признать за русскими подданными въ Англіи правъ равныхъ съ тѣми, какія были дарованы Англичанамъ въ Россіи, царя русскаго не могъ не оскорбить и самый пріемъ: Бекмана приняли не тотчасъ по пріѣздѣ его и не такъ, какъ бы слѣдовало по давно-установленному обычаю и сообразно достоинству московскаго двора, а въ огородѣ, какъ доносилъ Бекманъ, гдѣ растетъ чеснокъ и лукъ.

Для объясненія съ лондонскимъ дворомъ о предъявленныхъ имъ желаніяхъ, царь въ сентябрѣ 1585 года велѣлъ ѣхать къ королевѣ английскому купцу *Іерониму Горсею* (Horsey), который въ нашихъ статейныхъ спискахъ именуется гостемъ *Еремѣемъ Ульяновымъ Горшіемъ.* Отвѣтъ царя, считавшаго себя исполнившимъ для Англичанъ все, что позволяли ему благоразуміе и выгоды его подданныхъ, достоинъ упоминовенія, хотя увидимъ, что онъ не принесъ, благодаря угодливости Годунова, тѣхъ плодовъ, которыхъ отъ него въ правѣ была бы ждать Россія. «Предѣлы Россіи», писалъ царь къ Елисаветѣ, «открыты для вольной торговли всѣхъ народовъ сухимъ путемъ и моремъ. Къ намъ ѣздятъ купцы сул-

тановъ, цесарскіе, нѣмецкіе, испанскіе, французскіе, литовскіе, персидскіе, бухарскіе, хивинскіе, шамахинскіе и многіе другіе, такъ-что можемъ обойдтись и безъ Англичанъ и въ угодность имъ не затворимъ дорогъ въ свою землю. Для насъ всѣ равны, а ты, слушаясь корыстолюбивыхъ купцовъ лондонскихъ, не хочешь равнять съ ними и другихъ своихъ подданныхъ! Говоришь, что у васъ никогда не бывало нашихъ людей торговыхъ — правда, потому-что и дома они торгуютъ выгодно, слѣдовательно, могутъ и впредь не ѣздить въ Англію. Мы, оканчивалъ царь, рады видѣть купцовъ лондонскихъ, если не будешь требовать для нихъ исключительныхъ правъ, не согласныхъ съ уставами моего царства.»

Въ отвѣтъ на это королева старалась увѣрить царя въ безпредѣльной къ нему дружбѣ, и просила его, чтобъ онъ сохранилъ къ Англичанамъ то же доброе расположеніе, какое оказывалъ имъ его родитель, опровергала обвиненіе, будто Бекманъ не былъ принятъ по посольскому обычаю тѣмъ, что она давала ему аудіенцію въ саду, *гдѣ гуляетъ и бесѣдуетъ только съ людьми ближними.* Видя, что русское правительство не хочетъ допустить монополіи для купцовъ лондонскихъ, Елисавета ограничилась тѣмъ, что убѣждала царя освободить ихъ, въ вознагражденіе за труды и издержки, понесенные при открытіи пути въ Бѣлое Море, отъ платежа обременительныхъ будто бы пошлинъ. Узнавъ отъ Горсея, какое значеніе имѣетъ при россійскомъ дворѣ бояринъ Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, королева писала особо къ царицѣ Иринѣ, ея брату Годунову,

именуя первую *любезнѣйшею кровною сестрою*, а Годунова—*любезнымъ двоюроднымъ братцемъ* (our most deare and loving cousin). Чрезъ нѣсколько послѣ того времени британскій кабинетъ не усомнился придать боярину при жизни царя Өеодора Іоанновича титулъ Величества. Честолюбивому царедворцу не могла не нравиться такая лесть, и несмотря на прежніе примѣры твердости и разсудительности, показанной нашими государственными людьми при разсмотрѣніи безконечныхъ домогательствъ Англіи, Годуновъ уступилъ на этотъ разъ просьбѣ королевы и въ 1587 году Англичанамъ было даровано право торговать безпошлинно въ ущербъ отечественной казны, лишившейся чрезъ то болѣе двухъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго дохода, Къ счастію правительство наше не отступило и на этотъ разъ отъ требованій, которыя выразило въ предъидущей, англійскимъ купцамъ дарованной жалованной грамотѣ, то-есть чтобы они подъ именемъ англійскихъ не привозили къ намъ чужихъ товаровъ, чтобы не торговали въ разницу, не разсылали по городамъ скупщиковъ и т. д.

Годуновъ оказывалъ Англичанамъ покровительство, за что и они съ своей стороны чествовали его дарами и хвалили его мудрость. Своего предпочтенія, англійской компаніи оказываемаго, Годуновъ нисколько не скрывалъ. Напротивъ, въ письмѣ своемъ къ Елисаветѣ онъ извѣщалъ ее, что по его настоянію, *его печалованіемъ*, доставлены были Англичанамъ такія важныя преимущества и что онъ всегда желаетъ блюсти ихъ подъ своею рукою. И дѣйствительно, рука Годунова

только могла защитить Англичанъ отъ нерасположенія къ нимъ посольскаго дьяка Щелкалова, который не переставалъ держаться того убѣжденія, что Англичанамъ не должно давать никакихъ предъ прочими иностранцами преимуществъ, Щелкалова, который по своему положенію, какъ судья въ дѣлахъ Англичанъ и блюститель выгодъ Россіи на дипломатическомъ поприщѣ, лучше всѣхъ своихъ современниковъ понималъ, до чего можетъ довести русскую торговлю удовлетвореніе требованій Англичанъ.

За то какими путями не старались англійскіе гости лишить Щелкалова того довѣрія, которымъ онъ пользовался у царя и у Годунова за свою опытность въ дѣлахъ посольскихъ! Не было ни одной грамоты, въ которой бы не дѣлался хотя косвенный намекъ на то, что *нѣкоторые* злые люди клевещутъ на Англичанъ, что ихъ не слѣдовало бы слушать, ибо они будто вредятъ выгодамъ Россіи. Мы увидимъ ниже очень-важное обвиненіе, которое они старались взвести на Щелкалова, и покажемъ, въ какой мѣрѣ оно было справедливо. Какъ мало вѣрили у насъ этимъ обвиненіямъ, порожденію напрасной злобы, видно изъ того, что Щелкалову въ 1587 году былъ присвоенъ чрезвычайно-важный въ тогдашней Россіи титулъ *ближняго дьяка*, который давался только самымъ приближеннымъ къ царю лицамъ, не иначе, какъ по долгомъ испытаніи и выборѣ.

Королева и ея министры не переставали упрашивать царя, чтобы онъ судъ надъ Англичанами и вѣдомство дѣлъ, до нихъ касающихся и въ Россіи возникающихъ, ввѣрилъ своему боярину Бо-

рису Өедоровичу Годунову; но безпредѣльныя и безпрестанныя требованія и докуки Англичанъ до того надоѣли самому Годунову, что онъ въ 1587 году поручилъ Щелкалову написать къ министрамъ Елисаветы, что всевозможное уже сдѣлано для подданныхъ ея въ Россіи, и что имъ должно бы быть стыдно безпокоить суесловіемъ такого великаго человѣка, шурина царскаго, которому даже не прилично самому отвѣчать на ихъ нескромную просьбу.

Какъ же благодарили Англичане за великія благодѣянія, которыми осыпалъ ихъ русскій царь? Мало того, что они принимали дарованныя имъ преимущества какъ должное, они безпрестанно твердили, что торговля съ Россіею приноситъ имъ убытокъ, что продолжаютъ ее только въ угоду королевѣ, которая желаетъ сохранить доброе расположеніе русскаго царя, но что малѣйшая неуступка со стороны Россіи заставитъ ихъ бросить этотъ торгъ. Какъ теперь, такъ и тогда, Англичане считали дозволенными всякія средства, лишь бы ослабить Россію, вовлечь ее въ войны и сдѣлавъ берега наши недоступными для кораблей другихъ народовъ, однимъ завладѣть всею торговлею. Даже Горсей, которому царь показывалъ такъ часто знаки своего расположенія, былъ уличенъ въ преступныхъ сношеніяхъ съ врагами Россіи, сообщеніи имъ свѣдѣній, которыя русское правительство считало необходимымъ скрывать, и въ попыткѣ пресѣчь въ Россію путь всякимъ другимъ (кромѣ англійскихъ) кораблямъ. За это Горсей былъ высланъ изъ Россіи, какъ его ни защищало англійское правительство. Но до чего можетъ дойдти не-

благонамѣренность англійскихъ купцовъ, показало слѣдующее обстоятельство.

Казна и частные люди, довѣряя компаніи англійскихъ купцовъ, какъ учрежденію правительственному, давали ей въ-займы денегъ и заемныя письма выдавалъ одинъ изъ купцовъ, знавшій порусски и какъ бы уполномоченный отъ общества купцовъ. Когда заемщикъ отказался отъ уплаты этихъ денегъ, московское правительство обратило взысканіе на прочихъ Англичанъ, въ Москвѣ торговавшихъ. Но они отказывались отъ этой обязанности, не ставя ни во что долгъ чести. За недостаткомъ юридическихъ доказательствъ, которыя были въ пользу нашу, Англичане прибѣгали къ клеветѣ, къ показаніямъ самымъ противорѣчивымъ и неправдоподобнымъ, и потому привести въ ясность эти притязанія можно было только на мѣстѣ, послѣ совѣщанія съ старшинами англійской компаніи, жившими въ Лондонѣ. Для этой-то цѣли вторично посланъ въ Англію Бекманъ съ купцомъ Антономъ Берчемъ, выдавшимъ на себя заемныхъ обязательствъ до 24 тысячъ рублей и отзывавшимся несостоятельностью, а королева Елисавета отправила къ намъ «для укрѣпленія братской любви съ русскимъ царемъ» пастора Елизара *Флетчера*, или, какъ назвала его королева къ своей грамотѣ, «*мастера книгъ богомольныхъ*».

Посольсто Флетчера самое замѣчательное изъ всѣхъ, отправленныхъ Англіею въ Россію въ XVI столѣтіи, во-первыхъ потому, что статейный списокъ пріѣзда въ Россію и пребыванія въ ней этого посла отличается подробностію, во-вторыхъ что въ грамотѣ, по этому случаю Елисаветою при-

сланной, дошли до крайнихъ предѣловъ требованія королевы, и въ-третьихъ, что эти притязанія англійскихъ купцовъ, равно какъ поступки ихъ въ Россіи вызвали самыя рѣзкія выраженія и упреки со стороны нашего дипломата и должны показать намъ, какъ въ то, вѣками отдаленное отъ насъ время, понимали стремленіе Англичанъ. Смѣло можно сказать, если бы Щелкаловъ не оставилъ никакихъ болѣе слѣдовъ своей дипломатической въ Россіи дѣятельности, какъ только отвѣтъ его на пункты, Флетчеромъ предложенные, то и за это одно имя его должно бы возбуждать уваженіе къ себѣ потомства. Мы такъ высоко ставимъ этотъ документъ, что не смотря на его обширность, позволимъ себѣ привести его въ подробности, удерживая даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ счастливыя и удачныя выраженія Щелкалова. Едва ли можно было рѣзче и откровеннѣе его высказать всю истину Англичанамъ.

Пріемъ Флетчера и двадцати его спутниковъ на границахъ Россіи, проводы въ Москву, дача ему корма, аудіенція, данная ему царемъ среди пышнаго московскаго двора «въ золотной въ подписной палатѣ», спросы о здоровьѣ и наконецъ увѣренія во взаимной дружбѣ и любви такъ обыкновенны, что мы ихъ проходимъ молчаніемъ; замѣтимъ только, что царь при этомъ нисколько не отступилъ отъ дипломатическихъ обычаевъ, какъ его обвиняла въ томъ королева, и не только не показалъ неуваженія къ ея имени, а напротивъ честилъ Флетчера болѣе даже, чѣмъ посланниковъ другихъ странъ. А что посольство это не достигло желаемой цѣли, въ томъ должны бы обвинять

себя сами Англичане, которыхъ требованія по неограниченности своей не могли подлежать удовлетворенію.

Противъ всякаго пункта, Флетчеромъ предложеннаго, мы приведемъ отвѣтъ казначея Ивана Васильевича Траханіотова и дьяка Андрея Щелкалова, которымъ было отъ царя поручено выслушать Флетчера и обсудить его домогательства. Такимъ-образомъ можно будетъ сравнить доводы, съ обѣихъ сторонъ приведенные:

1) Для московскаго двора была очевидна та цѣль, для которой Англія увѣряла насъ въ безпредѣльной дружбѣ, а лондонскій кабинетъ помнилъ упрекъ, сдѣланный ему царемъ Іоанномъ Васильевичемъ IV, что дѣла государственныя выше выгодъ торговыхъ. Потому Елисавета начала свою грамоту къ Ѳеодору Іоанновичу тѣмъ, что желаетъ возобновленія для англійской компаніи той *повольной* грамоты, той привилегіи, которая дарована ей Грознымъ, и что Англичане совершенно достойны такой милости въ вознагражденіе за ихъ странствованіе для открытія пути къ Бѣлому Морю. Далѣе королева полагала, что нельзя распространить эту милость на всѣхъ Англичанъ, а должно ограничить ее тѣми только, которые участвовали въ открытіи пути къ намъ, Россія же съ своей стороны должна покровительствовать этой торговлѣ, потому-что выгода отъ этого торга не велика; что̀ же касается до королевы, то она писала, что желаетъ продолженія торговли съ Россіею, чтобы тѣмъ поддержать сношенія съ Москвою, такъ-какъ безъ того они должны будутъ ослабѣть и даже прекратиться. Въ отвѣтъ на это Щелкаловъ

замѣтилъ, что хотя царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный далъ огромныя преимущества англійскимъ купцамъ *мимо всѣхъ иноземецъ*, позволилъ торговать имъ безданно и безпошлинно, но что тѣмъ не менѣе въ Россіи имѣли право торговать и другіе иностранцы, пріѣзжавшіе къ намъ чрезъ Ригу, слѣдовательно всякая ссылка на преждедарованную привилегію значенія имѣть не можетъ. Царь Өеодоръ Іоанновичъ не менѣе своего родителя желалъ сохранить дружбу королевы Елисаветы и поддержать торговлю съ Англіею, но сами Англичане, несмотря на огромные барыши, получаемые ими чрезъ торговлю съ нами, сносились на погибель Россіи съ врагами ея—Швеціею и Даніею, и по ихъ проискамъ Датчане и Шведы напали на Лифляндію и на новгородскія земли, причемъ подданные королевы не стыдились наниматься въ ихъ войска, какъ то показали плѣнные. За такое злоупотребленіе довѣрія, которое Англичанамъ оказывали въ Россіи, купцы были бы достойны казни, но царь, не помня зла, далъ имъ даже новую жалованную грамоту, предваривъ ихъ, чтобъ они впередъ вели себя лучше. При этомъ Щелкаловъ не могъ не напомнить королевѣ про тѣ *непригожія* слова и дѣйствія, которыми отличалось посольство Бауса, *чего ни гдѣ не ведется*. За такіе поступки пословъ вездѣ казнятъ, но государь простилъ ему его вину только по дружбѣ къ королевѣ. Въ порывѣ негодованія посольскій дьякъ, упомянувъ о послѣдней повольной грамотѣ, упрекалъ Англичанъ въ томъ, что занявъ деньги на имя компаніи, *на вопчей товаръ*, они не платятъ денегъ по заемнымъ письмамъ, выданнымъ Антономъ Мерчемъ,

жившимъ тогда на англійскомъ дворѣ вмѣстѣ съ другими и дѣлавшимъ заемъ съ согласія своихъ товарищей. Въ томъ сознался на судѣ и самъ должникъ, а компанія отказывалась отъ платежа тѣмъ, что Мерчь не былъ формально уполномоченъ ею для займа денегъ и вольно было Русскимъ ему вѣрить; но дьякъ доказывалъ, что всѣ Англичане, какъ компанія, торгуютъ сообща, *за одинъ*, и потому было постановлено взыскать эти деньги съ товарищей Мерча. Необходимо только было опредѣлить сумму взысканія, и для того-то былъ посланъ Мерчь съ Бекманомъ въ Англію; а на будущее время постановлено тѣхъ только купцовъ считать подлежащими отвѣтственности за дѣйствія каждаго изъ членовъ ея, которыхъ имена прикащикъ англійскаго двора запишетъ на казенномъ дворѣ и заявитъ въ посольскомъ приказѣ. Не менѣе оскорбительно для Россіи было то, что несмотря на запрещеніе не выѣзжать самимъ и не посылать никуда людей безъ проѣзжихъ грамотъ, Англичане ѣздили повсюду тайно, *кабы лазучествомъ*, сносились съ иностранными государствами, писали про Россію и царя въ самыхъ неприличныхъ выраженіяхъ и наконецъ уличены въ томъ, что старались закрыть порты Бѣлаго Моря для кораблей всѣхъ другихъ странъ. Что это не были обвиненія, подсказанныя слѣпою злобою Щелкалова на Англичанъ вообще, доказываютъ улики и факты, въ посольскихъ дѣлахъ того времени встрѣчаемые, и читая ихъ, невольно дивишься, какъ чрезъ два съ половиною столѣтія образъ дѣйствія Англичанъ нисколько не измѣняется, какъ скоро дѣло дохо-

дитъ до барышей. Годуновъ, заступникъ за Англичанъ предъ лицемъ царя, одинъ могъ умилостивить государя въ его справедливомъ гнѣвѣ на компанію, и чтобы прежнія преимущества были сохранены для нея, требовалось, чтобъ она прислала для торговли съ Россіею людей *добрыхъ* и *прямыхъ*, которые бы не причиняли правительству безпрерывныхъ хлопотъ, безпокойствъ и *докукъ*. Правительство наше требовало, чтобъ купцы писали въ иностранныя государства только и исключительно про торговыя дѣла и не допускали никакихъ подлоговъ и обмановъ въ сдѣлкахъ съ Русскими, которые торгуютъ *безхитростно*.

Непригожимъ показалось слово Флетчера, будто безъ *гостинной торговли* не можетъ быть дружественныхъ отношеній между Россіею и Англіею, *то слово и впередъ говорить не пригоже*; и дѣйствительно, Россія въ это время была уже въ дипломатическихъ сношеніяхъ со всею Европою, была владычицею Сѣверной Азіи, оказывала покровительство Кавказу... Отъ чего бы ей безъ посредства купцовъ нельзя было сноситься съ Англіею? Другими словами угроза разрыва съ Россіею, которая впрочемъ никогда не могла осуществиться, по причинѣ выгодъ, торговлею съ нами представляемыхъ, была равносильна просьбѣ о новыхъ льготахъ, о новыхъ уступкахъ. Потому Щелкаловъ счелъ себя обязаннымъ напомнить Англичанамъ, что напрасно они грозятъ, будто перестанутъ торговать съ нами, потому-что въ Россію пріѣзжаютъ купцы отовсюду, изъ Германіи, Турціи, Испаніи, Франціи, Польши, Голландіи

и изъ другихъ земель, такъ-что мы безъ Англичанъ легко обойтися можемъ.

2) Королева просила, чтобы въ нарушеніе жалованной грамоты, государевы приказные люди не *отнимали у купцовъ безъ платы товаровъ*, какъ то недавно случилось, и не обращали ихъ въ казну, а если бы что понадобилось, то брали бы по цѣнѣ. Иностранцамъ, сказалъ въ отвѣтъ на это Щелкаловъ, никогда въ Россіи обидъ не дѣлаютъ, а англійскихъ купцовъ берегутъ болѣе всѣхъ другихъ; если же какой товаръ понадобится государю или его приказнымъ людямъ, за него всегда тотчасъ платятъ, а если кто-нибудь дѣйствительно обиженъ Русскими, пусть укажетъ кѣмъ, царь велитъ про то розыскать и виновный будетъ наказанъ. Вѣроятно же, прибавилъ нашъ дипломатъ, Англичане, *которые сами ведутъ себя* не совсѣмъ честно (*воруютъ*), пріѣхавъ въ Англію, говорятъ неправду.

3) Считая себя во всемъ невинными и приписывая клеветѣ и злобѣ Щелкалова взводимыя на нихъ обвиненія, королева просила, чтобы никакой Англичанинъ не былъ судимъ въ Россіи, а отдавался англійскому прикащику, который и препроводитъ его въ Англію для суда; далѣе, чтобы Англичанина въ Россіи не подвергали пыткѣ безъ слѣдствія, чтобы вообще царь и его приказные люди берегли компанію и не наносили ей вреда, и наконецъ чтобъ судъ надъ Англичанами былъ ввѣренъ Борису Ѳедоровичу Годунову, про великодушіе и благоразуміе котораго королева такъ много слыхала, такъ чтобы мимо его они никому не были подвѣдомы. Какъ обвиненіе, будто Ан-

гличанъ въ Россіи пытаютъ безъ суда, было несправедливо, такъ царь не могъ согласиться ни на одинъ изъ изложенныхъ пунктовъ просьбы королевы и посла ея. Щелкаловъ находилъ даже *непригожимъ* помѣщать въ грамоту условіе о томъ, чтобы у насъ не судили Англичанъ, потому-что тогда Русскіе ничѣмъ не были бы защищены отъ убытковъ, которые и безъ того они терпѣли отъ купцовъ, и потому рѣшено было, что судъ надъ Англичанами будетъ такой же, какъ надъ другими иностранцами, въ вѣдомствѣ посольскаго приказа, и что рѣшеніе дѣла будетъ зависѣть отъ того, что̀ окажется по сыску, и отъ усмотрѣнія государя, который къ иностранцамъ вообще милостивъ. Англійскому же прикащику постановлено отдавать провинившагося Англичанина на поруку до суда и приговора. Не согласился также царь на просьбу Англіи подчинить ея подданныхъ суду Годунова, «потому-что ему всякія дѣла государственныя, о которыхъ дѣлахъ государство содержится, по его царскому приказу, всѣ приказаны», а обѣщаны всѣ милости Англичанамъ, если они будутъ жить «бережно и стройно и людей воровъ съ собою держать» не станутъ.

4) Англійская королева просила, чтобы купцамъ ея было позволено привозить въ Россію, всякіе *безъ вывѣту*, безъ исключенія, товары, не платить никакихъ податей, ни тамги, ни съ дворовъ оброка, и чтобы имъ однимъ и *Русскимъ государевымъ посланникамъ* было позволено ѣздить въ Бухару, Шемаху, Казбинъ и Кизылбашскую Землю, съ тѣмъ притомъ, чтобы воеводы въ Казани и Астрахани товаровъ ихъ не пересматривали и ничего съ нихъ

не брали. Относительно пошлинъ было обѣщано не брать лишняго противъ того, что̀ назначено въ послѣдней жалованной грамотѣ, торговать же Англичанамъ позволено всякими товарами, за исключеніемъ одного воску, который они могли мѣнять только на сѣру и селитру. Проѣздъ Англичанъ чрезъ Россію въ Азію былъ разрѣшенъ имъ еще при Іоаннѣ IV, хотя прочимъ иноземцамъ не позволено ѣздить далѣе Москвы; потому и на этотъ разъ удовлетворена просьба Англичанъ, но русскій дворъ былъ удивленъ требованіемъ, чтобы въБухару и Хиву изъ Русскихъ ѣздили одни посланники, а чтобы торговые люди наши были лишены этого права, и потому объявлено Флетчеру, что путь въ Азію открытъ для Англичанъ и всѣхъ Русскихъ.

5) Тогда какъ прочіе иностранные купцы, въ Россію пріѣзжавшіе, останавливались въ обыкновенныхъ гостинныхъ дворахъ, Англичанамъ были отведены особенные дворы и домы. Здѣсь у нихъ жилъ прикащикъ, завѣдывавшій складомъ англійскихъ товаровъ. Королева просила, чтобы у ея подданныхъ этихъ дворовъ не отнимали и податьми не облагали. Царь обѣщалъ то и другое, за исключеніемъ англійскаго двора въ Москвѣ, у церкви Святаго Максима, двора, который платилъ оброкъ.

6) Англичане просили позволить имъ поставить на Вычегдѣ дворъ, искать тамъ руду и дѣлать изъ нея желѣзо, для чего отвести имъ лѣсу верстъ на семь или восемь вокругъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ отыщутъ руду, съ добытаго же они обязывались платить въ казну тамги по московкѣ съ фунта. На этотъ пунктъ послѣдовало разрѣшеніе царя съ

тѣмъ однако, чтобы о мѣстахъ, для разработки руды годныхъ, было всякій разъ доводимо до свѣдѣнія боярина Годунова, который и позволятъ ставить для руды мельницы и добывать желѣзо.

7) Выше мы имѣли уже случай объяснить, отъ чего цари наши не позволяли Англичанамъ держать у себя наемныхъ барышниковъ, скупщиковъ и другихъ Русскихъ, которые были имъ необходимы для ихъ услугъ. Этимъ запрещеніемъ хотѣли лишить Англичанъ, имѣвшихъ право только на оптовую торговлю товарами заграничными, средства торговать чрезъ подставныя лица, Русскихъ, въ розницу и товарами не своими. Англичане просили однако у царя разрѣшенія нанимать для услуженія Русскихъ, и получили отказъ, потому, какъ сказано въ статейномъ спискѣ, что отъ наемныхъ барышниковъ бываютъ часто безпокойства и безпорядки, причемъ ссылка сдѣлана на какого-то ярославскаго купца Вахруша Семенова, причинившаго Англичанамъ большіе убытки тѣмъ, что взявъ у нихъ товаровъ, вывезъ ихъ за границу безъ проѣзжихъ грамотъ. Обстоятельство это дало поводъ къ взаимнымъ жалобамъ и неудовольствіямъ, которыхъ наше правительство тщательно избѣгало.

8) Королева просила, чтобы русскимъ денежнымъ мастерамъ было позволено безпошлинно передѣлывать для англійскихъ гостей ефимки въ ходячія деньги, Англичане же соглашались платить мастерамъ только за работу и за уголь. Царь разрѣшилъ передѣлку денегъ, но не иначе, какъ съ уплатою установленныхъ для всѣхъ безъ различія пошлинъ.

9) Относительно свободы вѣроисповѣданія, о которой хлопоталъ Флетчеръ, Щелкаловъ выразился, что до вѣры, какую исповѣдуютъ пріѣзжающіе въ Россію иноземцы, царю дѣла нѣтъ, что всякій иностранецъ держится у насъ своей вѣры и никого — ни Турокъ, ни Испанцевъ, ни Нѣмцевъ, ни Французовъ — отъ ихъ вѣры не отводятъ.

10) Англичане домогались также, чтобы государь позволилъ имъ брать по дорогамъ подводы и только для свѣдѣнія правительства оставлять записки, въ какомъ мѣстѣ сколько взято подводъ. Разумѣется въ этомъ отказано, а объяснено, что они могутъ нанимать себѣ извощиковъ съ подводами и по условію платить за нихъ деньги, но чтобы ни въ какомъ случаѣ не выѣзжали ни въ Россію, ни изъ Россіи въ Англію или въ другое государство безъ проѣзжихъ грамотъ, которыя имъ выдаются изъ посольскаго приказа. Наконецъ

11) Оставался необъясненнымъ главный пунктъ всѣхъ домогательствъ Англичанъ при московскомъ дворѣ, чтобы ни одинъ Англичанинъ и ни какой другой иноземецъ не проѣзжалъ въ пристани Бѣлаго Моря, къ устьямъ Двины, въ Ригу или Новгородъ безъ проѣзжей грамоты и безъ разрѣшенія королевы англійской, съ тѣмъ притомъ, что если бы кто-нибудь проѣхалъ въ эти мѣста, не испросивъ позволенія отъ англійскаго правительства, онъ долженъ былъ лишиться своихъ кораблей и имущества, и изъ нихъ одна половина предназначалась въ пользу царя, а другая гостей англійскихъ. Требованіе это дипломатамъ того времени показалось не *статочнымъ*; теперь оно кажется не

менѣе страннымъ и невѣроятнымъ, и невольно спрашиваешь себя, что сдѣлалось бы съ торговлею нашею не только внѣшнею, но и внутреннею, если бы царь и его ближній дьякъ не имѣли духу и умѣнья отвергнуть притязанія неслыханныя и дающія невыгодное понятіе о томъ, кто ихъ предлагаетъ. Вотъ отвѣтъ Щелкалова: невѣроятно, чтобы королева дѣлала такое предложеніе нашему царю, а если она его дѣлаетъ, то нисколько не выражаетъ тѣмъ дружественнаго къ нему расположенія, *тъмъ ему нелюбье свое объявляетъ*, потому-что къ явному ущербу Россіи хочетъ затворить въ нее дорогу всякому не Англичанину, который бы хотѣлъ торговать съ нами. Ни въ какомъ приморскомъ государствѣ, ни у папы, ни у императора австрійскаго, ни у королей испанскаго, французскаго, датскаго и иныхъ такъ не дѣлается, чтобы чужой государь указывалъ кого пропускать не въ свои владѣнія, а кому въѣздъ запрещенъ. «А государю нашему о томъ для чего заказъ чинити и дорога божья, океанъ море, къ своему государству затворити: то дѣло не статочное и говорити о томъ не пригоже». А потому объявлено Англичанамъ, что русскія пристани открыты для купцовъ всѣхъ странъ и для всѣхъ Англичанъ, а не для тѣхъ только, которымъ дастъ разрѣшеніе королева; въ вознагражденіе же купцовъ англійской компаніи, открывшей путь въ Россію чрезъ Бѣлое Море, имъ отведены домы и дворы въ разныхъ городахъ Россіи и даны многія льготы, которыми не пользуются другіе иноземцы.

Не менѣе справедливъ и благоразуменъ былъ отвѣтъ на просьбу Англичанъ, чтобы гостямъ,

которые будутъ посланы для открытія Китая, было позволено брать провожатыхъ и суда съ людьми, кормъ на нихъ и другіе запасы, въ пути необходимые. Нельзя позволить, былъ отвѣтъ на это, чтобы чрезъ Россію проходили иноземцы отыскивать чужихъ государствъ.

При отвѣтной грамотѣ былъ предъявленъ Флетчеру списокъ долговъ, сдѣланныхъ въ Россіи Антономъ Мерчемъ. Количество ихъ возрастало до 23,343 рублей, 17 алтынъ и трехъ денегъ, въ томъ числѣ въ государеву казну слѣдовало взятыхъ изъ нея 2,700 и Годунову по выданнымъ ему кабаламъ 4,000 рублей. Сумма, Мерчемъ должная, по тогдашнимъ деньгамъ была-очень велика, что видно изъ сравненія съ справочными цѣнами, сохранившимися напр. даже въ наказѣ о кормѣ Флетчеру: за яловицу платили 20 алтынъ, за барана по гривнѣ, за курицу по три деньги, за десять яицъ по деньгѣ, за ведро пива по два алтына и т. п.

Чтобы легче достигнуть цѣли, Елисавета написала къ Годунову самое лестное письмо и называя его *пресвѣтлымъ княземъ и государемъ кровнымъ и любительнѣйшимъ пріятелемъ*, давала ему титулъ Величества, слала ему дары, состоявшіе изъ мелкихъ золотыхъ денегъ, но какъ царь, которому были посланы подобные же дары, ихъ не принялъ, то и бояринъ долженъ былъ отказаться отъ нихъ. Въ письмѣ своемъ Елисавета просила Годунова оборонять Флетчера и прочихъ Англичанъ отъ обидъ и притѣсненій со стороны приказныхъ людей.

Англійскіе купцы, въ присланномъ ими къ Годунову письмѣ, просили о томъ же, а въ замѣнъ

предлагали ему *«свою службу и работу»*, и обѣщались доставлять ему изъ чужихъ краевъ все, что ему понадобиться можетъ и что можно достать въ Англіи или другомъ государствѣ.

Флетчеръ и самъ писалъ къ Годунову и просилъ у него аудіенціи, чтобы изустно ему одному передать, по порученію королевы, увѣренія въ дружбѣ и любви. «Бью челомъ твоему честнѣйшеству,» писалъ Англичанинъ, «чтобы ты, государь, пожаловалъ, далъ во время очи свои видѣти, гдѣ бы мочно было тебѣ, государю, тѣ дѣла извѣстити, потому-что мнѣ о томъ накрѣпко приказано отъ королевы». Въ другомъ письмѣ своемъ Флетчеръ жаловался на неудовлетвореніе Годуновымъ его просьбы и повторялъ желаніе *видѣть его очи*; но не видно, была ли она удовлетворена и въ этотъ разъ.

Оставалось уладить одинъ только вопросъ, о сдѣланныхъ Англичанами долгахъ, отъ уплаты которыхъ они отказывались. Флетчеръ, передававшій въ этомъ случаѣ отзывъ англійскаго купеческаго общества, отвергалъ всѣ долги, и доказывая, что по нимъ уже произведена уплата или сполна или отчасти, объяснялъ, что акты, по которымъ были начаты иски, хотя остались въ рукахъ кредиторовъ, но это произошло по ошибкѣ. Достаточно одного здраваго смысла для того, чтобы понимать неосновательность этого и подобныхъ ему возраженій. Труднѣе и опаснѣе конечно было прибѣгать къ нимъ въ опроверженіе долга казнѣ и Годунову, и англійскіе купцы рѣшились первый отдать на совѣсть русскихъ приказныхъ людей, а во второмъ полагались на че-

стность боярина Бориса Өедоровича, «какъ онъ пожалуетъ». Московскій дворъ твердо стоялъ на разъ принятомъ и высказанномъ убѣжденіи и потому отвергъ и послѣднее предложеніе королевы, чтобы половина долговъ, Мерчемъ сдѣланныхъ, была уплачена русскимъ царемъ, а другая англійскимъ правительствомъ. Наконецъ въ видѣ милости, царь допустилъ, чтобы компанія внесла только половину взысканія 12,162 рубля и полденьги.

На прощальной аудіенціи, данной Флетчеру, царь опять объявилъ послу, что несмотря на всю его любовь къ королевѣ англійской, онъ никакъ не можетъ согласиться на предложенные посломъ пункты, и просилъ, чтобы компанія поосторожнѣе выбирала людей, которыхъ посылаетъ въ Россію, потому-что до-сихъ-поръ пріѣзжали къ намъ одни *лихіе воры*. Что эпитетъ этотъ, какъ онъ ни мало лестенъ, тѣмъ не менѣе справедливъ, доказывается обѣщаніемъ королевы, что впредь такіе люди къ намъ болѣе ѣздить не будутъ. Но всѣ предостереженія русскаго царя были напрасны, такъ-что наконецъ должно было изгнать Англичанъ изъ Россіи, что̀ и послѣдовало въ половинѣ XVII столѣтія, когда переполнилась мѣра долготерпѣнія, когда были исчерпаны всѣ увѣщанія и наконецъ увидѣли, что наша торговля пала и вся перешла въ руки Англичанъ.

Между-тѣмъ какъ у насъ жилъ Флетчеръ и выслушивалъ несовсѣмъ-то пріятные для него отзывы нашего двора о поведеніи Англичанъ въ Россіи, Бекманъ, посланный съ Антономъ Мерчемъ, былъ въ Лондонѣ. Здѣсь онъ долго не могъ увидѣть королеву потому, что она очень

скорбѣла о смерти своего *дворецкаго, лорда Слестера* (т. е. графа Лейстера). Елисавета не выходила изъ своего дворца и къ себѣ никого не принимала. Вообще и на этотъ разъ пріемъ Бекмана не былъ такъ почетенъ, какъ бы того требовало достоинство московскаго двора. Нашего гонца встрѣчали лишь одни гости, царскую же грамоту принялъ у него, по приказанію королевы, ея казначей. На аудіенціи, Бекману данной, королева послѣ спроса о здоровьѣ царя освѣдомлялась о Годуновѣ и его *пріятеляхъ*. По окончаніи формальностей, при выслушаніи пословъ обычныхъ, королева отвела Бекмана въ сторону и выговаривала ему, какъ ей было досадно, что ея потѣшный садъ, гдѣ онъ былъ принятъ въ первый свой пріѣздъ въ Англію, при московскомъ дворѣ назвали капустнымъ огородомъ, гдѣ сѣютъ лукъ и чеснокъ. Бекманъ призывалъ въ свидѣтели Бога, что онъ ничего подобнаго не говорилъ и утверждалъ, что на него наговорилъ какой-нибудь *лихой* человѣкъ.

Для разсужденія о томъ, какіе долги подлежатъ взысканію съ цѣлой компаніи и какіе съ одного Мерча, Бекманъ имѣлъ совѣщанія съ казначеемъ королевы и старшинами компаніи. Послѣднимъ никакъ не хотѣлось платить долговъ, сдѣланныхъ будто не для выгодъ компаніи и лицемъ, къ ней уже не принадлежавшимъ; но признаніе самого заемщика и обстоятельства, заемъ сопровождавшія, были въ пользу нашу. Оттого Бекманъ требовалъ уплаты. Желая однако отклонить отъ себя этотъ платежъ, компанія утверждала, что Щелкаловъ захватилъ будто состоянія Мерча на 16,006 рублей и изъ этихъ денегъ хотя уплатилъ нѣ-

сколько долговъ, остальная сумма, болѣе одиннадцати тысячъ рублей, осталась за Щелкаловымъ. Поэтому купцы считали необходимымъ, чтобы Мерчъ еще разъ съѣздилъ въ Россію для окончанія разсчетовъ. Разумѣется Бекманъ отвергалъ подобное обвиненіе и представлялъ на видъ Англичанъ, что если бы имущество Мерча по цѣнности своей могло покрыть долги, имъ сдѣланные и неуплаченные, то царь не написалъ бы въ грамотѣ совсѣмъ другаго, да и отъ чего должникъ не представлялъ того же опроверженія на допросѣ въ Москвѣ? Андрей Щелкаловъ, отвѣчалъ на это Мерчъ, хранитъ царскую печать, и онъ пишетъ, что̀ хочетъ. Бекманъ грозилъ довести объ этомъ до свѣдѣнія царя и настаивалъ на одномъ.

И въ отвѣтной своей грамотѣ, къ царю посланной, королева старалась доказать, что всѣ притязанія къ Англичанамъ и всѣ обвиненія противъ ихъ поведенія, образа жизни и торговли ложны и неосновательны. Вся вина падала на дьяка, который будто завладѣлъ имуществомъ Англичанъ и, чтобы прикрыть истину, *смущаетъ* царя. Въ прочихъ пунктахъ новой своей грамоты Елисавета просила о томъ же, о чемъ и въ первой, съ Флетчеромъ присланной. При этомъ поступило отъ Мерча прошеніе, въ которомъ онъ *плакался* на Щелкалова и просилъ на него суда и управы, въ томъ, что онъ взялъ на государя его корабля съ товарами и не уплатилъ изъ нихъ долговъ, съ Англичанъ взыскиваемыхъ. Къ обвиненію своему проситель прибавилъ, что прежде того онъ на Щелкалова жаловаться не смѣлъ, потому-что онъ у царя *человѣкъ великой*. Министры королевы так-

же писали къ царю и просили нарядить слѣдствіе для обнаруженія справедливости показаній.

Между-тѣмъ королева, не зная, что посольство Флетчера уже кончилось и что онъ выѣхалъ изъ Москвы, прислала къ нему для представленія царю грамоту съ Англичаниномъ Юрьемъ Баусомъ, привезшимъ съ собою и Мерча. Очевидно, дѣло о долгахъ Англичанъ было такъ важно для обѣихъ сторонъ, что его не хотѣли оставить, не испытавъ всѣхъ средствъ обвиненія и оправданія. Вся вина, какъ и прежде, падала на Щелкалова, который будто велѣлъ Мерчу дѣлать долги на имя гостей, чтобы ихъ погубить, и даже изготовилъ печать компаніи для приложенія къ заемнымъ обязательствамъ. Это обвиненіе на государственнаго человѣка, пользовавшагося неограниченнымъ довѣріемъ у царя и его шурина, было такъ тяжко, что сама королева дивилась, какъ *такой смирной и честный совѣтникъ* могъ принять участіе въ нечестномъ дѣлѣ: одно объясненіе этой загадки находила въ томъ, что Щелкаловъ *былъ всегда жестокъ* къ Англичанамъ.

Флетчеръ просился пріѣхать обратно изъ Холмогоръ въ Москву, чтобы лично представить царю грамоту Елисаветы, но московскій дворъ нашелъ просьбу эту несогласною съ посольскими обычаями и тѣмъ болѣе неподлежащею удовлетворенію, что у Бекмана была грамота принята не лично королевою, а ея казначеемъ.

Еще рѣзче былъ отвѣтъ московскаго двора на оскорбительное для него письмо королевы, которая давала словамъ купца болѣе вѣры, чѣмъ всѣмъ увѣреніямъ русскаго правительства. Странно, пи-

салъ царь, какъ думные люди королевы не умѣли облпчить такого *вора*, съ которымъ честнымъ людямъ и говорить не приходится и который разоривъ столькихъ Русскихъ и отославъ свое имущество за границу, сказался несостоятельнымъ и наконецъ силится сдѣлать соучастникомъ своего преступленія такого человѣка, какъ Щелкаловъ. Вновь были поставлены на видъ королевы улики противъ Мерча и повторена просьба о томъ, чтобы присылали къ намъ только добрыхъ людей.

Всего щекотливѣе въ этомъ случаѣ было положеніе Годунова, который также имѣлъ заемныхъ писемъ Мерча на 4,000 рублей, и хотя конечно боярина Бориса Ѳедоровича нельзя было упрекнуть во враждѣ или нерасположеніи къ Англичанамъ, онъ въ письмѣ къ королевѣ также уговаривалъ ее заплатить долгъ англійскихъ купцовъ, потому-что въ нихъ первоначально повинился самъ должникъ и всѣ послѣдующія его оправданія неуважительны. Въ доказательство своихъ словъ Годуновъ послалъ къ королевѣ выданныя ему двѣ кабалы, подписанныя Антономъ Мерчемъ и совершенныя по всѣмъ правиламъ нашего древняго крѣпостнаго права. Конечно всякій изъ насъ и безъ дальнѣйшихъ доказательствъ не усомнится, на чьей сторонѣ была правда. Тѣмъ не менѣе пріятно подтвердить свое убѣжденіе и юридическими доводами. Дѣло въ томъ, что когда по займу или другому обязательству платежъ принимали на себя нѣсколько лицъ, обезпечивавшихъ контрагента своимъ имуществомъ, въ концѣ прибавлялась обычная фраза: «кто изъ *насъ* заемщиковъ или чье имущество будетъ на лице, съ того взыскиваются

деньги и ростъ». Какой же смыслъ имѣло бы это выраженіе въ заемныхъ письмахъ, Мерчемъ выданныхъ, если бы обѣ договаривавшіяся стороны не были убѣждены, что договаривается не одно лице, актъ подписывавшее, а вся компанія, которой это лице служило лишь представителемъ? А между-тѣмъ фраза эта встрѣчается въ кабалахъ, выданныхъ Годунову.

Вскорѣ по отъѣздѣ изъ Россіи Флетчера, Бекманъ привезъ еще грамоту отъ Елисаветы; но не смотря на эти частыя и повидимому дружественныя сношенія, подъ ними крылась холодность, и вся горечь, вся досада Англичанъ, негодовавшихъ на то, что имъ неудалось захватить въ свои руки русскую торговлю, выразилась въ книгѣ Флетчера, до того наполненной клеветами на Россію, ея правленіе, народные обычаи и пр., что это описаніе его путешествія было запрещено самою королевою, которой посвящено.

Въ 1595 году умеръ Андрей Щелкаловъ и мѣсто его занялъ братъ его Василій. Убѣжденія послѣдняго не были такъ тверды, какъ его предмѣстника, и эта перемѣна лицъ отразилась и въ перемѣнѣ тона сношеній съ Англіею. Уже въ началѣ 1596 года королева Елисавета писала къ царю Θеодору Іоанновичу, и благодарила его за *добродѣтельную* любовь къ ней и ея подданнымъ, за данную имъ новую милостивую грамоту съ правомъ вольной, неограниченной и безпошлинной торговли во всей Россіи и хвалила мудрость государственной думы. Неизвѣстно, въ какой мѣрѣ дружба королевы была искренна, по-крайней-мѣрѣ увѣренія въ ней были не новы и мало-убѣдительны. Дока-

зательствомъ тому служитъ подозрѣніе Англіи въ союзѣ съ Турціею противъ христіанскихъ государствъ. Узналъ ли англійскій кабинетъ, что русскій царь получилъ на этотъ счетъ предостереженія отъ пословъ другихъ державъ, или писалъ объ этомъ самъ царь, только королева въ письмѣ своемъ, въ 1596 году присланномъ, всѣми силами старалась увѣрить Россію, что это ложь и клевета, выдуманныя ея врагами. «Нѣтъ, я чиста предъ Богомъ и въ совѣсти», писала Елисавета, «и всегда искренно желаю добра христіанству и общаго мира. Сановникъ англійскій живетъ въ Константинополѣ единственно для выгодъ торговли и для освобожденія христіанскихъ узниковъ».

Хотя не имѣемъ основанія не вѣрить словамъ королевы, тѣмъ не менѣе любопытенъ фактъ этотъ потому, что возможность осуществленія обвиненія совершается предъ глазами нашими, и теперь повторяются Англіею тѣ же оправданія, но настоящая цѣль современныхъ событій скрыта за доводами, кажущимися вѣроятными и правдоподобными на первый только взглядъ и для человѣка, которому неизвѣстно наше прошедшее. Но не даромъ исторія со временъ Геродота носитъ почетное названіе наставницы человѣчества. Не есть ли теперешнее только продолженіе давноминувшаго? А если это такъ, то могла ли Россія ждать, что завистливая Англія будетъ равнодушно смотрѣть, какъ наша торговля со всякимъ годомъ становится самостоятельнѣе, какъ наши мануфактуры грозятъ вытѣснить съ рынковъ Азіи издѣлія Англіи? Война была неизбѣжна, ею только можно прекратить незаконное, чтобъ не сказать безсо-

вѣстное, посягательство Англіи на благосостояніе государства, бывшаго всегда милостивымъ къ Англичанамъ и обогатившаго ихъ не менѣе Индіи.

«Радуемся, что нашъ доброхотъ вошелъ на престолъ Русскій», писала хитрая Елисавета къ Борису Θеодоровичу Годунову въ декабрѣ 1598 года. Между-тѣмъ цѣль сношенія Англіи съ Россіею очевидно осталась та же, то-есть торговая, и въ душѣ королевы не было и тѣни той дружбы, въ которой она такъ любила увѣрять московскій дворъ. Не думаемъ, чтобъ наши государственные люди принимали слова ея за чистую монету, но они поддерживали эти сношенія, какъ бы по преданію, и заботились объ одномъ, т.-е. чтобы удерживать притязанія Англіи въ должныхъ предѣлахъ. У Годунова была кромѣ того другая цѣль, когда онъ старался дѣлать все въ угоду Елисаветѣ: ему хотѣлось подвигнуть всю христіанскую Европу на враговъ Христа, на Оттоманскую Имперію, и исполненію его великаго замысла, осуществленію новаго крестоваго похода, могла бы помѣшать Елисавета, о которой всѣ путешественники и посланники увѣряли, что она въ тѣсной дружбѣ съ Турціею. «Нѣтъ, ты не будешь никогда дружить злодѣямъ христіанства», писалъ къ ней Годуновъ, «и конечно пристанешь къ общему союзу государей европейскихъ, чтобъ унизить высокую руку невѣрныхъ: цѣль достойная тебя и всѣхъ насъ!» Хотя королева и отказалась отъ участія въ крестовомъ походѣ, подъ тѣмъ лишь предлогомъ, что была во враждѣ съ Испаніею и Австріею, но увѣряла Годунова въ томъ, что никогда не помышляла о вспоможеніи султану и же-

лала успѣха христіанскому оружію. Всю мѣру дружбы своей къ русскому царю выразила она въ почестяхъ, оказанныхъ при пріемѣ русскаго посланника дворянина Микулина, отправленнаго къ лондонскому двору. Въ статейномъ спискѣ этого посольства описывается, что при встрѣчѣ Микулина, въ лондонской гавани и крѣпости стрѣляли изъ пушекъ во все время, пока онъ плылъ Темзою и ѣхалъ городомъ въ Елисаветиной каретѣ, въ сопровожденіи трехъ сотъ чиновныхъ всадниковъ, альдермановъ и купцовъ въ богатомъ нарядѣ, въ золотыхъ цѣпяхъ. Улицы были залиты народомъ. Знаменитому гостю, въ одномъ изъ лучшихъ домовъ Лондона, служили королевины люди. Елисавета старалась, чтобъ ни одно желаніе посла не осталось неудовлетвореннымъ, и чтобъ у него было всего въ избыткѣ. Еще болѣе дружбы и уваженія къ Россіи выразила Елисавета при торжественномъ пріемѣ Микулина въ Ричмондѣ 14 октября 1600 года. Королева встала съ мѣста и нѣсколько шаговъ ступила навстрѣчу къ посланнику, славила воцареніе Бориса, *своего брата сердечнаго, издавна милостиваго къ Англичанамъ, увѣряла, что ежедневно молится за него Богу,* что любитъ его болѣе всѣхъ другихъ государей Европы и что одно изъ главныхъ ея удовольствій есть исполнять волю и желанія царя. Послѣ такого торжественнаго пріема, Микулинъ былъ приглашенъ къ королевину столу и сидѣлъ съ нею одинъ, тогдакакъ прочіе лорды и сановники не садились. Елисавета *стоя* пила чашу Борисову.

Все время пребыванія посла нашего въ Лондонѣ проходило въ приглашеніяхъ участвовать въ

разныхъ забавахъ двора; онъ видѣлъ рыцарскія игры въ день восшествія на престолъ Елисаветы, праздникъ орденскій св. Георгія, богослуженіе въ церкви св. Павла и торжественный въѣздъ королевы въ Лондонъ, ночью, при свѣтѣ факеловъ и звукѣ трубъ, со всѣми перами и царедворцами, среди безчисленнаго множества гражданъ, исполненныхъ энтузіазма. При всякомъ удобномъ случаѣ королева не забывала выказать и выразить свою приверженность къ Россіи, однимъ словомъ, Англія достигла своего, и купцамъ англійскимъ была дарована новая жалованная грамота для свободной, безпошлинной торговли въ Россіи.

Поблагодарить Годунова за эти милости было поручено посланнику елисаветину, Ричарду Ли (Lee), пріѣхавшему въ Москву въ концѣ 1600 года. Хваламъ не было конца, но за всѣми ими крылось желаніе ближе связать интересы Россіи съ выгодами Англіи. Какъ нѣкогда та же Елисавета сватала за Іоанна IV Англичанку, такъ теперь она хлопотала, чтобы женить сына Годунова Өеодора на Англичанкѣ же, которую вызывалась выбрать и которой прелести, умъ и добродѣтели заранѣе выхваляла. Этимъ хотѣли предотвратить бракъ царевича съ принцессой другаго государства, что̀ могло быть и невыгодно для Англіи. Но царь хотѣлъ прежде знать, кто невѣста и родня ли она королевѣ, увѣряя, что многіе великіе государи требуютъ чести соединить бракомъ дѣтей своихъ съ его семействомъ. — Какъ смерть Іоанна IV помѣшала въ первый разъ планамъ сватовства Елисаветы, такъ на этотъ разъ ея собственная кончина не дала осуществиться замы-

сламъ, на пользу которыхъ она, повидимому, разсчитывала.

Тотъ же характеръ сохранили сношенія Англіи съ Россіею и при преемникѣ Елисаветы, Іаковѣ I. Тотчасъ по восшествіи своемъ на престолъ, онъ писалъ къ царю, что желаетъ наслѣдовать отъ своей тетки ту дружбу, которую питалъ къ ней Годуновъ, и для увѣренія въ томъ былъ отправленъ въ Москву, въ октябрѣ 1604, посолъ Ѳома Смитъ, который представилъ слѣдующіе отъ короля дары: обитый *червчатымъ* бархатомъ возокъ, двѣ серебряныхъ позолоченыхъ сулеи, обдѣланный золотомъ хрустальный сосудъ, также серебряную лохань съ рукомойникомъ, два стола, кубокъ съ покрышкою, и сверхъ-того пять поставовъ разнаго сукна. Нѣкоторыя изъ серебряныхъ вещей, Смитомъ привезенныхъ, доселѣ хранятся въ Московской Оружейной Палатѣ и обращаютъ на себя вниманіе по своей отдѣлкѣ и цѣнности. Но чего желалъ Іаковъ? Того же, чего отъ насъ уже требовали полстолѣтія: свободнаго прохода черезъ Россію въ Персію, Индію, и въ другія восточныя земли для отысканія пути въ Китай ближайшаго и вѣрнѣйшаго, нежели моремъ, около Мыса Доброй Надежды. Выгоды Россіи приводились въ подкрѣпленіе такого ходатайства: драгоцѣнности, говорилъ англійскій посолъ, перевозимыя купцами изъ земли въ землю, оставляютъ на пути слѣды золотые, и слѣдовательно если бы путь этотъ въ Азію былъ открытъ чрезъ Россію, и съ Китаемъ, Персіею и Индіею велась торговля по этому направленію, выгода для насъ была бы большая. Такъ увѣрялъ Англичанинъ,

но подъ предлогомъ войны на берегахъ Каспійскаго Моря отказали ему въ этомъ ходатайствѣ. Съ тѣмъ Смитъ и выѣхалъ изъ Москвы въ 1605 году.

Въ смутное для Россіи время самозванцевъ и междуцарствія, хотя сношенія наши съ Англіею и не прерывались, но они не имѣли такого значенія, какъ прежде, ибо не представляли такихъ выгодъ. Пытался царь Василій Іоанновичъ Шуйскій жаловаться королю англійскому на вѣроломство Сигизмунда польскаго и просить у него вспомоществованія, но отказъ въ минуту несчастія показалъ, что самоотверженіе есть добродѣтель, сродная только великимъ душамъ и великимъ государствамъ. Пока Россія была на краю пропасти и погибели, Англія не подавала ей помощи и первый разъ оказала участіе къ ея судьбѣ при заключеніи столбовскаго мира, окончившаго войну нашу съ Швеціею, и можетъ-быть въ вознагражденіе за это посредничество было разрѣшено англійскимъ купцамъ вымѣнивать во Псковѣ на товары свои ленъ безъ платежа пошлинъ. Замѣчательно, что въ грамотѣ, отправленной по этому случаю къ псковскимъ воеводамъ (отъ 1619 года ноября 25), *) предписано наблюдать тѣ же предосторожности противъ злоупотребленій англійскихъ купцовъ, о которыхъ русское правительство хлопотало и прежде, а именно: чтобы они не возили съ собою чужихъ товаровъ и не продавали ихъ, равно какъ, чтобъ Русскіе не брали у Англичанъ товаровъ для торговли ими и не ходили къ нимъ въ

*) Соб. Гос. Гр. и Дог. III. 213, 214.

закладчики. — Это предостереженіе заслуживаетъ вниманія потому, что доказываетъ, какъ Англичане, неоднократно обѣщавшіе не употреблять во зло довѣрія къ нимъ русскаго правительства, мало заботились о твердости даннаго слова, и съ другой стороны служитъ опроверженіемъ противъ всякаго, кто захотѣлъ бы видѣть въ изгнаніи Англичанъ изъ Москвы мѣру насилія или даже несправедливость.

То же доказываютъ переговоры, веденные нашими боярами въ 1622 году съ англійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Джономъ Мерикомъ. Мы выслушаемъ притязанія одной стороны и опроверженія другой для того, чтобъ истина открылась сама собою. Главная жалоба Мерика состояла въ томъ, что Англичане начали претерпѣвать большіе убытки отъ уменьшенія цѣнности серебряной монеты, потому-что прежде рубль равнялся 14 англійскимъ шиллингамъ, а нынѣ едва равняется 10 шиллингамъ. На это бояре отвѣтили, что хотя вѣсъ монеты дѣйствительно уменьшенъ, вслѣдствіе военныхъ обстоятельствъ, но что въ подобныхъ обстоятельствахъ и въ другихъ государствахъ поступаютъ такъ же и даже вводятъ мѣдныя и кожаныя деньги, слѣдовательно на это жаловаться нельзя. Но правительство не могло не выразить при этомъ своего неудовольствія на Англичанъ за то, что они возвысили цѣны на всѣ товары, въ Россію привозимые; а именно: при прежнихъ царяхъ продавали они золоченное серебро въ дѣлѣ по три рубля за гривенку, а бѣлое безъ четверти, а нынѣ за то же берутъ пять рублей, да сверхъ того кладутъ въ серебро лигатуры больше прежняго. Далѣе, сукна стали привозить худшей доб-

роты: они ўже, короче и въ мочкѣ убыточнѣе, и несмотря на то, цѣна на нихъ въ полтора раза выше прежней, такъ-что выгода во всякомъ случаѣ на сторонѣ Англичанъ.

На жалобу Мерика, что нѣкоторые англійскіе прикащики, захвативъ хозяйскія деньги, женились на Русскихъ и вступили въ царскую службу, ему отвѣчали, что царь никого къ тому не принуждаетъ, но что сами Англичане поступаютъ совсѣмъ не такъ, и четверыхъ, отправленныхъ въ ихъ землю при царѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ Годуновѣ Русскихъ они не только у себя удержали, но даже Никифора Алферьева заставили перемѣнить вѣру. Затѣмъ, когда посолъ Маркъ Поздѣевъ просилъ отпустить ихъ въ Россію, ему въ томъ отказали.

Впрочемъ дружественныя сношенія между Россіею и Англіею не прерывались, и 1623 года іюня 16 заключенъ оборонительный и торговый трактатъ королемъ Іаковомъ 1-мъ съ «великимъ *лордомъ* Императоромъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, всея Россіи единственнымъ господаремъ». По силѣ этого договора у Англіи должны быть одни пріятели и непріятели съ Россіею, оба государства должны помогать одно другому, Англичане удерживаютъ дарованныя имъ прежде права свободной торговли, съ тѣмъ ограниченіемъ, что пользоваться ими могутъ только члены привиллегированной на то компаніи. Судъ по гражданскимъ спорамъ долженъ производиться по законамъ той страны, гдѣ споръ произойдетъ, а въ торговыхъ дѣлахъ и въ судѣ за преступленія Англичане состоятъ подъ покровительствомъ англійскаго короля и его агента въ Москвѣ.

Вслѣдствіе сего трактата въ 1631 году, по просьбѣ царя Михаила Ѳеодоровича о помощи для войны съ Польшею, англійскій король прислалъ въ ссуду 40,000 рейхсталеровъ, да 3,000 человѣкъ войска подъ начальствомъ генерала Томаса Сандерсона. Съ этого же времени при московскомъ дворѣ жилъ постоянно дипломатическій агентъ Англіи. Такимъ былъ первоначально Джонъ Мерикъ, за нимъ Фабіянъ Смитъ, а съ 1635 года назначенъ резидентомъ въ Россіи дворянинъ Симонъ Дигби.

Если царь Михаилъ Ѳеодоровичъ и видѣлъ, какой вредъ для Россіи и ея коренныхъ жителей происходитъ отъ торговой монополіи Англичанъ и злоупотребленій, которыя они допускали, пользуясь дарованными имъ правами, если, говоримъ мы, царь, видя все это, и не измѣнилъ прежняго порядка вещей, то это легко объясняется тѣмъ, что главною заботою юнаго царя было залечить раны, нанесенныя Россіи смутнымъ временемъ Возвратить же Россіи отнятое у нея во времена самозванцевъ было предоставлено царю Алексѣю Михаиловичу. Но прежде всего вниманіе царя было обращено на внутренній бытъ государства, и соборное уложеніе 1649 года служитъ безсмертнымъ памятникомъ его дѣятельности на этомъ поприщѣ. Въ такой заб тливости надлежащее мѣсто было предоставлено заграничной нашей торговлѣ, которой нельзя было оставить на прежнемъ основаніи, потому-что она къ ущербу казны и частныхъ людей была вся въ рукахъ Англичанъ. Указъ отъ 1-го іюня 1649 года (Пол. Собр. Зак. №, 9) по этому случаю изданный, такъ важенъ, что мы приведемъ его въ подробности: онъ заключа-

етъ въ себѣ итогъ съ одной стороны всѣхъ злоупотребленій Англичанъ, въ Россіи бывшихъ, а съ другой свидѣтельство о безплодности всѣхъ увѣщаній и предостереженій, которыя не разъ дѣлало имъ русское правительство. Указъ этотъ послѣдовалъ на имя англійскихъ гостинныхъ прикащиковъ Ивана Азборна съ товарищами, и начинается указаніемъ, какъ въ то время, когда купцы всѣхъ государствъ, не имѣя права привозить свои товары въ Москву, должны были останавливаться съ ними у Архангельска, Англичанамъ было даровано отъ русскихъ царей преимущество привозить свои товары въ Москву и имѣть въ ней дворы и дома, какъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ и родитель его, патріархъ Филаретъ Никитичъ, вслѣдствіе просьбы англійскаго короля Карла, продолжили Англичанамъ право торговать во всей Россіи свободно и безпошлинно. Въ вознагражденіе за то отъ нихъ требовалось, чтобы они привозили къ намъ сукна, атласы, камки, тафты и другія издѣлія добраго качества, *узорочные* же и другіе заморскіе товары, которые бы понадобились и въ казну, отпускать по заграничной цѣнѣ безъ всякаго барыша. Пользуясь такими милостями, Англичане долго торговали у насъ безпошлинно, и *вольнымъ торгомъ обогатѣли и пожитки себѣ нажили большіе,* но ни одной изъ статей жалованной грамоты, въ пользу Россіи клонившихся, они не исполняли; а именно: въ казну никогда не уступали товаровъ *по заморской цѣнѣ,* кромѣ-того тайно и вопреки запрещенію привозились въ Россію табакъ и другіе заповѣдные товары, а изъ Россіи также противоза-

конно вывозились за море шелкъ-сырецъ и другіе запрещенные товары, въ подрывъ торговлѣ русской. Наконецъ *и въ иныхъ многихъ статьяхъ допускалась Англичанами многая неправда*: они брали товары у другихъ иностранцевъ и подъ названіемъ своихъ привозили въ Москву, гдѣ безпошлинно продавали ихъ въ ущербъ государевой казнѣ, далѣе въ Москвѣ и другихъ городахъ покупали они на свое имя русскіе товары для другихъ иноземцевъ также безпошлинно, и если за такую вину англійскіе купцы остались безъ наказанія, то это только вслѣдствіе дружественнаго къ англійскимъ королямъ расположенія. Гибельное вліяніе такихъ преимуществъ, Англичанамъ дарованныхъ, и ихъ корыстолюбія чувствовали болѣе всего русскіе купцы, которые обѣдняли вслѣдствіе того, что купцы англійскіе, захвативъ въ свои руки всѣ промыслы и всю торговлю, сами вели торгъ внутренній и заграничный, и для того постоянно, *безъ съѣзду* жили въ Москвѣ. Всего невыгоднѣе для насъ было то, что Англичане скупали русскіе товары и на свой счетъ отправляли ихъ за границу, гдѣ перепродавали дорогою цѣною. Точно такъ и заграничные товары Русскіе могли покупать только у Англичанъ, которые на ярмаркахъ и въ Архангельскѣ скупали ихъ для себя и затѣмъ продавали по дорогимъ цѣнамъ, а хорошихъ товаровъ и вовсе не возили въ Россію. А такъ-какъ русскіе товары пали въ цѣнѣ за недостаткомъ обмѣна ихъ на иноземныя издѣлія и потому-что монополія Англичанъ устраняла всякое соперничество гостей другихъ странъ, то русскіе купцы почти совсѣмъ перестали ѣздить въ Ар-

хангельскъ и торговать съ другими государствами. А такъ-какъ Англичане ни привозныхъ, ни отвозныхъ пошлинъ не платили, то потери казны были чрезвычайно-велики. Все это заставило купцовъ ходатайствовать у государя о лишеніи Англичанъ дарованныхъ имъ прежде правъ, тѣмъ болѣе, что тѣ лица, которымъ была дана жалованная грамота за труды и пожертвованія при открытіи Бѣлаго Моря, уже умерли, и подъ ихъ именемъ торговали совсѣмъ другія лица, не состоявшія съ первыми ни въ какой связи. Въ заключеніе русскіе купцы просили впредь не пропускать Англичанъ въ Москву, а велѣть имъ торговать только у архангельскаго порта, гдѣ они и будутъ покупать привозимые туда русскими купцами товары. Такимъ-образомъ должны были устраниться сами собою всѣ невыгоды, проистекавшія отъ монополіи Англичанъ и оттого, что въ рукахъ ихъ сосредоточивался внутренній торгъ туземными товарами.

Убѣдясь этими доводами и тѣмъ, что преимущества были дарованы Англичанамъ по просьбѣ короля ихъ Карла, надъ которымъ Англичане *всею землею учинили большое злое дѣло,* царь Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ, чтобы всѣ живущіе въ Москвѣ и другихъ городахъ Россіи англійскіе купцы выѣхали за море со всѣмъ своимъ имуществомъ, а кто захочетъ торговать съ Россіею, можетъ пріѣзжать изъ-за моря въ Архангельскъ, гдѣ и покупать русскія издѣлія и продавать свои, но подъ условіемъ платежа опредѣленныхъ пошлинъ. По окончаніи торговыхъ сдѣлокъ, иностраннымъ купцамъ пред-

писывалось оставлять Россію, и ни въ какомъ случаѣ, съ товарами и безъ нихъ не ѣздить въ Москву и въ другіе города Россіи, равно-какъ не жить въ Архангельскѣ.

На этомъ событіи мы остановимъ нашъ обзоръ. Мы хотѣли только показать, какой характеръ имѣли всегда сношенія Россіи съ Англіею, показать, что въ то время, какъ цари наши руководствовались началами чести и откровенности, англійское правительство имѣло лишь корыстолюбивые виды и хлопотало о выгодахъ своихъ купцовъ и притомъ не всѣхъ, а только небольшой компаніи. Если впослѣдствіи времени Петръ Великій открылъ свои порты для иностранныхъ купцовъ, не исключая и Англичанъ, онъ не забылъ однако разными мѣрами стѣснить торговлю ихъ русскими издѣліями въ самой Россіи.

Настоящая война, едва ли въ этомъ можно теперь сомнѣваться, въ связи съ вѣковыми претензіями самолюбивыхъ сыновъ Альбіона на то, чтобы, овладѣвъ нашею внутреннею торговлею, предоставить себѣ монополію сбыта произведеній нашей почвы за границею, равно какъ выдѣлки изъ сырыхъ матеріяловъ продуктовъ роскоши, которые мы-же и купимъ за огромную цѣну. Барышъ оттого неминуемо-огромный, и мы ничѣмъ не можемъ такъ метко поразить врага въ самое сердце, какъ доказавъ ему, что мы теперь думаемъ такъ же, какъ мыслили нѣкогда Щелкаловъ и бояре царя Алексѣя Михайловича, какъ лишивъ его барыша, на который онъ такъ усердно разсчитываетъ.